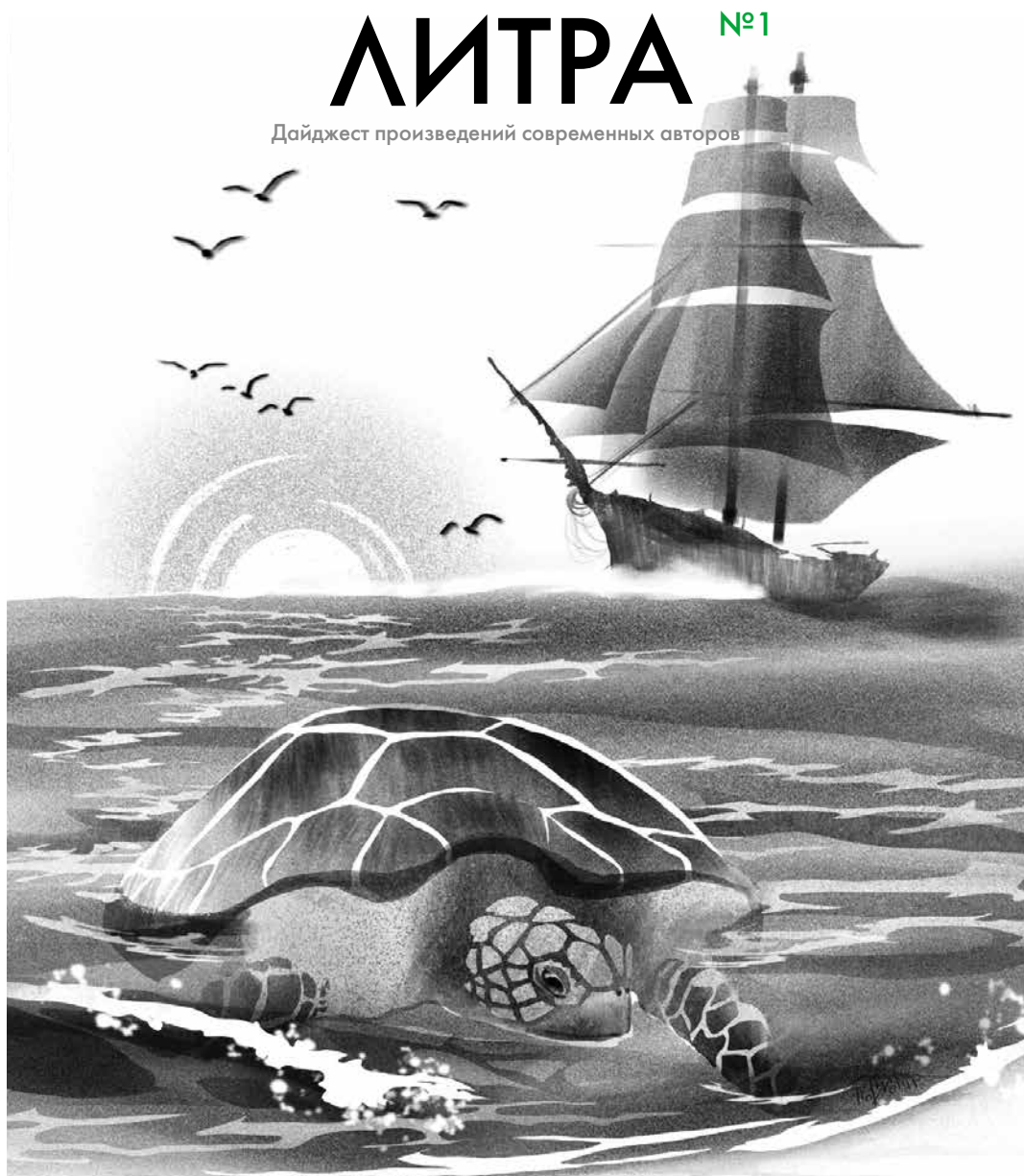

ТА ЕЩЕ ДРАМА • Марина Галева «ПРО ПОЛИТИКУ»

Наталия Тебелева • Дмитрий Рахмилов • Николай Почтовалов • Наталья Курапцева
Александр Ралот • Виктория Щепановская • Инвер Шеуджен • Светлана Гаврилова
Магомед Мусаев • Алексей Воронов • MashaNe • Вячеслав Савостьянич

ЛИТРА №1

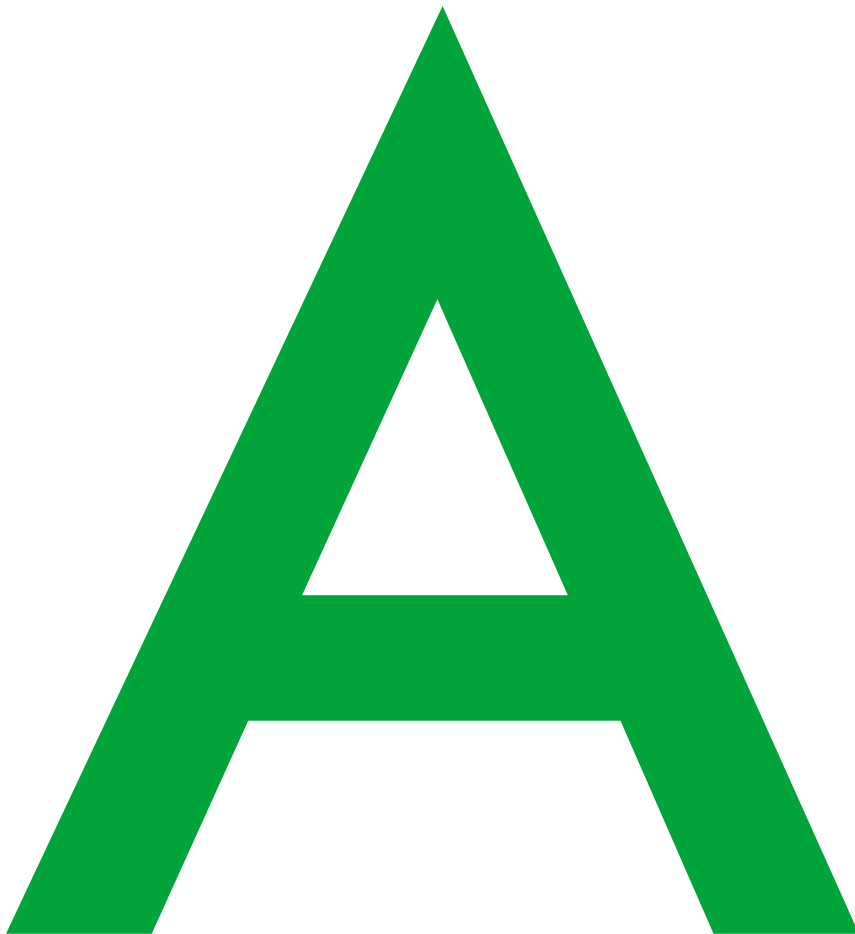
Дайджест произведений современных авторов

Андрей Жеребнев

Морские рассказы

Конкурс «Первый из первых»

Полные условия конкурса опубликованы на сайте litra.online
в разделе «Конкурсы»

ЛИТРА №1

Дайджест произведений
современных авторов

Главный редактор:
Антон Гулякин

**Редакционный совет
выпуска:**
Наталья Тебелева
Наталья Курапцева
Николай Почтовалов
Александр Ралот
Магомед Мусаев

Иллюстраторы:
Ксения Чукавина
[https://illustrators.ru/users/
kseniya-chukavina](https://illustrators.ru/users/kseniya-chukavina)

Лейла Латипова
[https://www.instagram.com/
comilat](https://www.instagram.com/comilat)

Ирина Буртовая
[https://illustrators.ru/users/
id60764](https://illustrators.ru/users/id60764)

Трофименко Оксана
https://behance.net/Oxanka_art

Таша Казакова
https://instagram.com/tasha.k_art

Ryba
<https://illustrators.ru/users/id5482>

Почтовую рассылку альманаха
осуществляет редакция. Оставить
заявку на приобретение нового
номера можно на сайте litra.online

Сайт дайджеста:
litra.online

Телефон:
8 (999) 206-13-55

E-mail:
litra@litra.online
(для любых вопросов)

Подписано в печать
07.07.2021 г.
Тираж 200 экз

Отпечатано в издательско-
полиграфической фирме
«Реноме»
192007, Санкт-Петербург,
наб. Обводного канала, д. 40

В дайджесте собраны
произведения авторов,
публикующихся на сайте [litra.
online](http://litra.online). Все авторские права
на публикуемые на сайте
произведения принадлежат
их авторам и охраняются законом.
Перепечатка произведений
возможна только с согласия его
автора. Ответственность
за публикуемые произведения
авторы несут самостоятельно
на основании законодательства
РФ

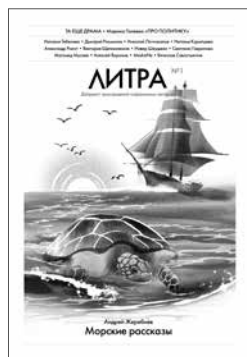

Иллюстрация на 1 стр.
обложки: Трофименко
Оксана

4

СТИХИ

Наталья Тебелева **4**
Дмитрий Рахмилов **7**
Николай Почтовалов **9**
Наталья Курапцева **16**
Masha Ne **20**
Инвер Шеуджен **24**

26

ПРОЗА

Александр Ралот
**«Защита свидетелей
в отдельно взятом
микрорайоне»**

29

ПРОЗА

Владимир Добрицкий
«Карусельщик»

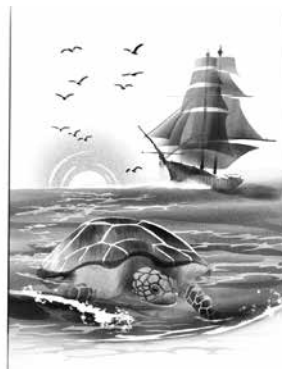

32

ПРОЗА

Андрей Голубь
«Венский поездок»

Небольшой рассказ о том, к чему может привести распространение слухов и сплетен. Всё в лучших традициях старой доброй сатиры.

36

МОРСКИЕ ИСТОРИИ

Андрей Жеребнев

44

СТИХИ

Александр Трифонов **44**
Игорь Улитин **47**
Светлана Гаврилова **48**
Магомед Мусаев **51**
Алексей Воронов **53**
Вячеслав Савостьянич **55**

57

ТА ЕЩЕ ДРАМА

Марина Галеева
«**Про политику**»

72

ПРО ПОЭТОВ И ЛЮДЕЙ

Виктория Щепановская

76

ПРОЗА

VLADMIR
«**С волками жить**»

81

ПРОЗА

Любовь Винокурова
«**Контрданс**»

94

КИНО

Наталия Тебелева

Морок

Вдрызг — на волокна, за волосы, волоком
тащить, тащиться за облаком.
Пусть обморок за обмороком.
Но, хоть и после сорока —
избавиться от морока.

Строптивый норов — как нарыв.
Я напоролась ненароком
всем сердцем — прямо на пророка,
на порку и неотвратимость рока,
колоду вскрыв.

Взмахнуть крылами, как сорока,
без оторопи, без порока.
Вдруг выйдет из отпущенного срока
какой-то прок.
Чтоб больше никогда не спотыкаться о твой порог.

Ноябрь 2017

Не хватает

Не хватает для полного счастья немного.
Беглой гласной, пробела и красной строки.
Двадцать пятого часа, глотка на дорогу.
Зорких глаз на затылке и третьей руки.

Не хватает внимания, скорости, силы.
И чуть-чуть антител не хватает в крови.
Столько лет, столько лет, где б тебя ни носило —
не хватает. Но главное: просто — живи.

Не хватает каникул, зарплаты, работы.
И терпения, чтоб не сорваться на крик.
Не хватает для счастья привычки всего-то
безусловно ценить каждый суетный миг.

Май 2021

Головоломка

Нет, о помощи мы никогда не просили.
 Прилагали ньютонны напрасных усилий.
 Но в твои ли хоромы — с моею котомкой?
 Оказалось, что сломана головоломка:
 ни любовью, ни натиском, ни осторожно —
 просто штуку вот эту собрать невозможно.

Искалеченный пазл осыпался неврозом.
 Оголённой руке — что шиповник, что роза.
 Если прятки затеяли детские травмы,
 их тебе не найти. Ну, а мне — и подавно.
 У меня и своих миллион заморочек:
 неоткрывшихся лифтов, оборванных строчек...

Приедаясь, перчинка становится пресной.
 И внутри грандиозного Неинтересно
 просыпаешься. Ждёшь по-привычке вибраций.
 Понимаешь, что нужно на сердце прибраться.
 Удивляешься: с вечера не было ломки.
 И срываешься в путь. Со своею котомкой.

Декабрь 2020

Романс-декаданс

Вы кушали водку и всё говорили,
 что очень талантливы Вы и пьяны.
 Меня Вы учили безумной кадрили
 и были навеки в меня влюблены.

А дамы из бара Вам строили глазки,
 а Ваши седины сводили с ума.
 И вечер январский замешивал краски.
 И я наполняла бокалы сама.

Вы путали рифмы, и жесты, и взгляды.
 Вы знали, что завтра я буду с другим.
 Вы были так близко, так трепетно рядом.
 Вы были прочитанным и дорогим.

Прощаются быстро. Прощаются утром.
 Прощальные фразы не так горячи.
 И бледные губы, и бледная пудра.
 И всё-таки Вы не вернули ключи.

Начало 2000-х

Коса всё та же. Тот же камень...

Коса всё та же. Тот же камень.
Я снова захожу на коду.
Лакаю мелкими глотками
свою густую несвободу.

От этой горечи хмелею,
сама с собой иду не в ногу
и становлюсь немного злее,
и старше становлюсь — намного.

Иду. Где прохожу — разруха.
Стремлюсь дойти до самой сути:
с косою там любовь-старуха
у камня ждёт на перепутье.

К высоким нотам низкого пошиба...

К высоким нотам низкого пошиба
стремится сердце в певческом азарте:
права на совершение ошибок
реализуются с особой страстью в марте.

Душа-склеротик долго боль не помнит.
Покорен возраст: надо — значит, надо —
бросаться с головою в тихий омут,
когда звучат кошачьи серенады.

Март 2019

Наталия Тебелева

Автор, журналист, редактор, режиссер, директор артистов.

Публиковалась в печатных изданиях и онлайн, в сборниках и альманахах, выступала на ТВ.

Вышли две книги стихов - «Под одной крышей» и «Это было когда-то...». Песни на мои стихи исполняет артист Ефим Шифрин. Восхищаюсь русским языком и прекрасно им владею.

Дмитрий Рахмилов

Брусчатый дом

Здесь по весне играл лучами пруд,
И заводилась бархатная верба,
Коня стращал тут, задирая кнут,
Соседский внук с глазами цвета неба

Здесь бегал к магазину по траве
Племяш мой Гришка, всеми обожаем,
Авоську подвязав на рукаве,
За спичками и свежим караваем

Здесь в поле мы, махнув через плетень,
С рассветом гнали технику по склону,
И каждую субботу (в банный день)
Прикладывались смачно к самогону

А после клуб, где танцы и табак,
Где я, напялив модную рубашку,
Переходил со Степа на Гопак,
Чтоб впечатлить строптивую Наташку

Здесь каждый вхож был в наш брусчатый дом,
Здесь сизый дым с печи клубился ватой,
И был здесь каждый пятый — агроном,
И каждый третий был — механизатор

По случаю всегда полно гостей,
Всё свежее и всё своё к обеду,
Гитарный звон и голоса друзей,
Одни на всех и праздники, и беды

Умчались эти годы в никуда,
Колхоз с Союзом вместе развалился,
Все подалИсь в большие города,
И дым над домом больше не клубился

Я вижу часто в мимолётных снах,
Как мать латает у окна скатёрку,
Как старый батя возится в сенях,
Раскуривая крепкую махорку

Там осень снова плачет за окном,
Листовою багровеет вся округа,
И снова всех нас ждёт брусчатый дом,
А время отрывает друг у друга

Реквием по ушедшей любви

Сорвался с ветки пожелтевший лист,
Графитно-сизым пеплом небо хмурится,
Пути-дороги наши разошлись,
Теперь пустынно и промозглы улицы

Разлука поселила в сердце боль,
От этого недуга не избавиться,
И в никуда уносится любовь,
Лишь след её навек рубцом останется

А осень всё же будет золотой,
За ней закружат вьюги белоснежные,
Припорошив досадой и тоской
Ушедших наших дней моменты нежные

Едва ли, строя замок из песка,
Добьёмся мы судьбы благословения,
Ведь всюду рядом счастье и тоска,
Ведь так похожи вечность и мгновение

И снова окунувшись в море бед,
Мы сгоряча доходим до отчаянья,
Ведь неразлучны истина и бред,
Ведь неизбежны встречи и прощания

Но не исполнят больше в унисон
Два сердца позабытую мелодию,
Не потревожит маршем Мендельсон
Уснувших под печальную рапсодию

Дмитрий Рахмилов

Уроженец города Дербент, республики Дагестан, с раннего детства увлекался творчеством Высоцкого, Галича, Розенбаума, писать начал в возрасте 13ти лет, публиковался в «Пионерской правде», в местных изданиях, после окончания школы работал корреспондентом в городской газете, где основной деятельностью являлась проза, но в последствии совершенно четко сделал выбор в пользу поэзии.

Николай Почтовалов

И ты...

Невольно катишься к позорному столбу,
рассчитывая быть неязвлённым,
и жизнь летит в незримую трубу,
и ты в ней рвёшь пространство пустозвонно...
Открыто сутками бездонное окно
в мир несвободы, лжи, стыда и бредней...
И, вот, оно – уже и рядом – дно...
И ты не первый, но... и не последний...

В Рождественскую ночь

На холодном песке мироздания
в рваном облаке теплится даль...
и душа за непознанной гранью
неизменно качает печаль...
А вдали – так бестактно уютно –
в колыбели и ночи, и дня
я лежу одеялом лоскутным,
никого и ни в чём не вина...

Иллюстрация: Трофименко Оксана

Весёлый день

Весёлый день. И лужи-зеркала
отбликвают солнечную сетку:
в ней зайчики, как солнечные детки,
режутся, позабыв свои дела.
Апрель кружит и кружит... По весне
не голова, а море разливанно...
И даже в состоянии диванном –
мурашечки весенние в спине...
Щекочет мысли ветер... Раз, два, три:
вскочу, вскричу и улечу далече...
Весна! Прекрасный день! Ещё не вечер...
И солнышко без усталости горит.

Иллюстрация: Таша Казакова

Ангел белый

Мой заступник – ангел белый
с распростёртыми крылами,
подраспрёпанный ветрами –
жизнь его, увы, не грела...
Но когда бывало туго,
прилетал. Усталость рьяно
всё искала в нём изъяны
и гнала его по кругу...
Но квадратный мир в тревоге
затихал: знал понаслышке –
ангел был подобен вспышке,
возникая на пороге.
Он в последний миг на страже:
и опора, и защита.
Дверь для ангела открыта –
независимо от стажа.

Иллюстрация: Ирина Буртовая

Весна-Осень

Воспоминания об осени (ранней весной)

Невесом и осторожен
жёлтый лист.
Он, как будто бы бескожен:
светел, чист.
Это осень-ворожея:
солнца тень.
Воздух чище и свежее –
мечен день.
Неожиданна погода
в сентябре:
даже если и под сводом,
будет греть.
Листьев тёмные прожилки
на ветру,
как весёлые пружинки, –
дай, сотру...
Разрешимая задача –
жить без слёз.
Осень пусть сама и плачет –
не вопрос...

Николай Почтовалов

Поэт и бард. Член Союза писателей России.

Родился в 1950 году в г. Лахденпохья (южная Карелия, бывшая территория Финляндии) в семье военнослужащих, музыканта Почтовалова Петра Михайловича и медицинской сестры Маленчинской Лидии Викторовны.

Наталья Курапцева

Длятся предрассветные часы

Длятся предрассветные часы,
Им тянуться медленно и страшно,
Повторя горький день вчерашний,
Где судил меня печальный сын.

Он был болен, я была больна,
Я глаза все время отводила
И была, как в детстве —
Крокодила.
И была я у него — одна.

Ничего не понимала я.
Он старался объяснить — я глотла.
Всей моей мелодии эпоха
Уплывала в дальние края.

Эта мера такта и ума
Мне была совсем не по размеру:
Я такая дикая химера,
Что окошки закрывает тьма.

И во тьме опять колдует боль,
Выворачивает судорогой руки,
И привычка умирать от муки
Рассыпает на асфальте соль.

26.01.2021

Несостоявшийся отъезд

А город был по-прежнему родным.
 В соседнем переулке шли трамваи.
 И облака над шпилем золотым
 Перед отлетом собирались в стаи.

И падал чистый синеватый снег
 На светлые вечерние панели.
 О чем же утром плакал человек
 На смятой неразобранной постели?

Не спал и даже не ложился спать,
 Писал и рвал письмо чужой невесте,
 Он звал из детства ласковую мать
 И думал о спасительном отъезде.

Ронял слезу заржавленный карниз,
 Ночь бормотала глухо и невнятно.
 Далекая неузнанная жизнь
 Бывает только в юности понятна.

Потом приходят грустные звонки,
 Дурные сны, обманчивые вести,
 Минуты злой изломанной тоски,
 Когда земля и небо не на месте.

И надо ехать, покупать билет,
 Искать другой — веселый юный город.
 А этот стар и полон горьких бед...
 А человек несчастен, глуп и молод.

...Он вышел в белый-белый снегопад,
 Еще прощаясь, но уже прощая.
 Он посмотрел на мост и Летний сад —
 Они-то никуда не уезжают.

1979-1980

Спокойный снег

Когда идет спокойный снег,
Светло и сумрачно в природе,
И все проходит, все проходит,
Раздумий полон старый век.

По берегам уснувших рек
Нигде — ни шороха, ни следа.
И только жаль, что солнца нету,
Когда идет спокойный снег.

1979

Гаснущие окна

Гаснущие окна, силуэты
 И ночные — лучшие! — стихи...
 Не хватает только пистолета
 И мужской недрогнувшей руки.

Мне бы спать, раскинувшись просторно
 На подушках брачного одра,
 Иль гореть в бессоннице любовной,
 Но не биться с рифмой до утра.

Сонное ночное бормотанье
 Я ловлю, как шепоток судьбы.
 Только мне назначено — страданье,
 Холод, мрак и трубный зов беды.

Мне бы сниться и дарить усладу,
 Счастьем мир угрюмый освещать —
 Просто жить...
 И даже знать не надо,
 Для чего есть ручка и тетрадь.

Что бесплотным черным силуэтом,
 Корчась в лапах бешеной тоски,
 Женщина становится поэтом
 И стреляет в сердце по-мужски.

1988

Наталья Курапцева

Родилась в Ленинграде, живу в Санкт-Петербурге. Если кто не знает - это один и тот же город на западе России при впадении реки Невы в Финский залив.

Пишу стихи с 14 лет. В 19 лет стала журналистом. Проработала в этой профессии больше 30 лет. Продолжаю писать стихи, после 45 лет - и прозу тоже.

MashaNe

Зайку бро...

Вновь, словно темень дюралайтом,
сомненьем разум сокрушен...
А если не был брошен зайка?!
А если зайка сам ушел?

Не вынес бытовых аллюзий,
«позора мелочных обид»,
и социально — тяжким грузом,
бастуя под дождем сидит?

И мокнет плюш ушей и шеи,
и виснет ус, и меркнет взгляд,
и всё никак не хорошеет,
а люди по делам спешат.

Судьба — пустая портупея,-
нет ни орала, ни меча,
но в зайце всё мизантропеет,
и зайцу хочется кричать,

но он молчит, и матерееет.
Прожить — не с лавочки сползти.
Мазая нет, и батареек,
и не считают до пяти...

Мы все у...

Мы все умрем. Ну, что ты?! Не реви!
умрем степенно, тихо, по любви.
/по расписанью, яростно и кротко/

И сколь на кочку скопом ни влезай,
не приплывет обещанный Мазай.
/депрессия и прохудилась лодка/

Но снова летом к морю захотят
сто десять обреченных «негритят»
/хотя, за ЖэКэХа еще долги, и.../

Жизнь – ежедневный робкий суицид,
но слово «смерть» до одури горчит,
когда она случается с другими...

Вишня

Пахнет любовью пыльной
пенный прибой летящий.
Город вишневой былью
плачет о настоящем.
Время, истлев, погаснет
скурит минуты в пепел.
Белое платье в страсти
с вишни срывает ветер.
По лепестку искусно,
Трепетно, и атласно...
После подарит бусы
ягод кроваво красных.
Даже к себе ревнуя,
путая явь и мысли,
чертит судьбу чужую
на изумрудных листьях.

Белым шальным бураном
в мае не отогреться...
ты положи на рану,
как подорожник сердце...

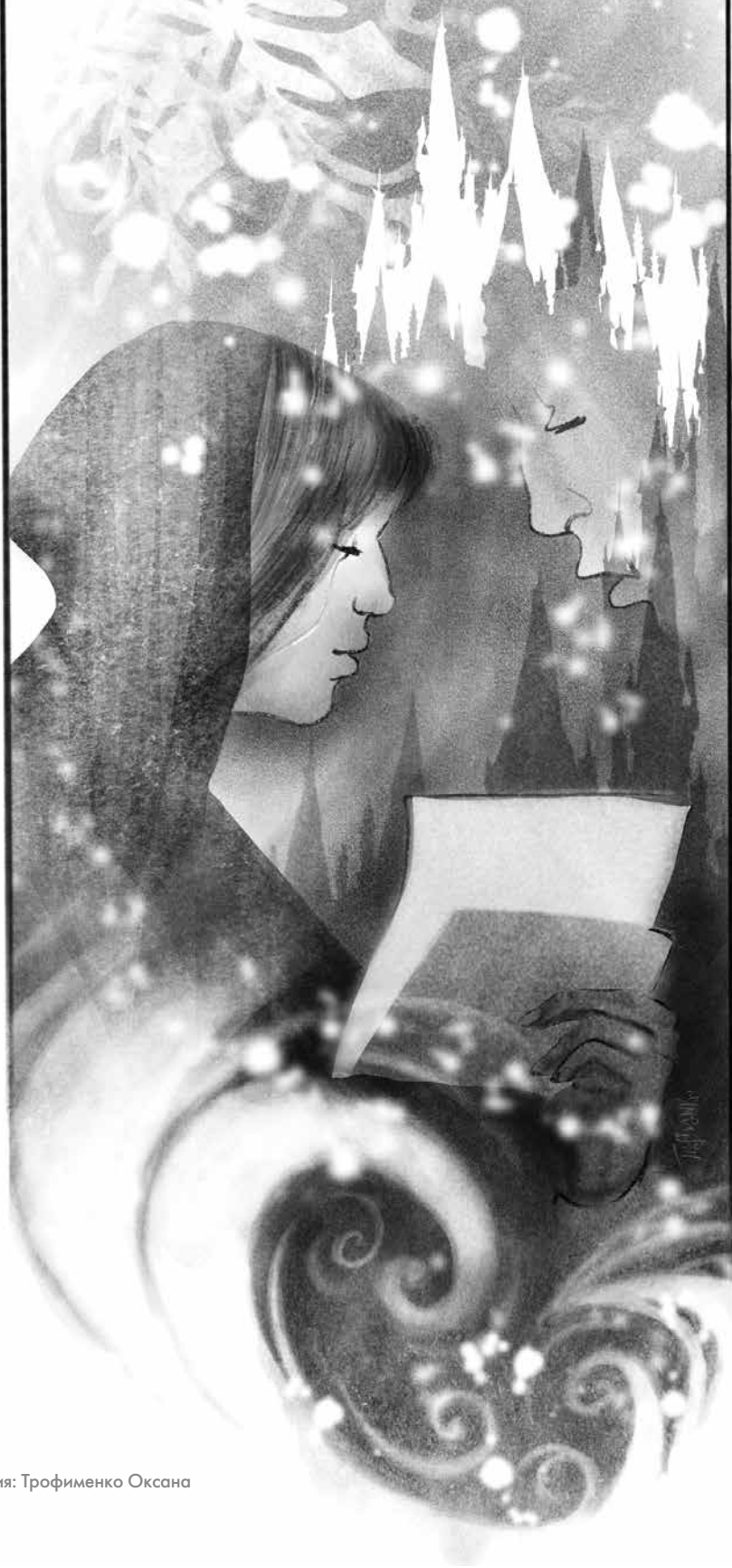

Иллюстрация: Трофименко Оксана

В замок Снежной Королевы. Каю.

В подоконных залежах зимы
затерялись буквы алфавита.
Как считалка: Veni, vidi, ...vita.
Приходи ко мне, иди на мы.

В ледяном забвении, звеня,
Айсбергом застыл огромный город...
Почему — тебя изранил холод,
А осколок в сердце у меня?

Как тебе живется в декабре?
Королева мягко стелет простынь?
Между вами — сказки и погосты,
Между нами — версты в серебре.

Жжет касанье леденящих губ
в тронной зале снежного прихода?
Слово «ВЕЧНОСТЬ» — это не «СВОБОДА».
Ты мне до сих пор,
как прежде,
люб...

P.S.
Дней невыносимость так легка —
перышком в плену, под сердцем ветра.
Здравствуй, повзрослевший мальчик Кай,
Я устала жить.
Целую.
Герда.

Инвер Шеуджен

Адыгея, моя Адыгея...

Адыгея, моя Адыгея!
Пред тобою мальчишкой робею,
Перед мудростью гор преклоняюсь
И душою в тебе растворяюсь.

Адыгея, моя Адыгея!
Нет красот твоих сердцу милее!
Благородна, скромна, черноока
Ты отмечена дланью пророка...

Всё вокруг мне до камня знакомо,
Вот тропинка, что змейкой от дома
Между яблонь бежит белокожих
На черкешёнок статью похожих...

Повидал я на свете немало
Заграничных красот и чудес.
Но тебя мне всегда не хватало
Адыгея, я сын твой — черкесс!

Даль ночная к востоку бледнеет
И восходит туман над Лабой.
Для тебя нету места роднее
Коль адыгом ты назван судьбой...

Инвер Шеуджен

Шеуджен Инвер - российский и адыгский поэт, песенник, номинант премии «ТРИУМФ», лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов, автор сборников стихов. Творчество автора представлено в Международной англоязычной поэтической антологии «World Poetry Anthology 2020». Живёт в г. Краснодаре

Литературный конкурс рассказов «Не пиши в стол»

К участию в конкурсе допускаются рассказы, написанные как ранее, так и специально для конкурса. Работы участников будут опубликованы на сайте.

Участник должен быть зарегистрирован на Литре и иметь помимо конкурсной работы и другие публикации на сайте.

Конкурс проводится с 27 июня по 31 августа 2021 года. Работы победителей будут опубликованы в новом выпуске альманаха Литры.

**НЕ ПИШИ
В СТОЛ**

Иллюстрация: Karen Arnold

Александр Ралот

Защита свидетелей в отдельно взятом микрорайоне

Известная (в узких кругах) поэтесса Элеонора Лерура уже минут пять пялилась на три разнокалиберных светящихся квадратика. Гаджеты безмолвствовали. Женщина растерянно кинула взгляд на мигающий светодиод зарядного устройства.

«Кажись, всё в порядке. Разность потенциалов в моей квартире присутствует. Вон и счётчик в коридоре мотаёт, словно сумасшедший», — додумать эту мысль до конца ей не удалось, так как планшет заиграл навязчивую мелодию, и на экране появилось лицо незнакомой дамы.

— Вввам чего? Ввееернее кого? — радуясь и пугаясь одновременно, молвила хозяйка квартиры.

— Элька, не узнала меня? Богатой буду. Вернее, уже.

Голос показался Леруре знакомым, она определённо слышала его. Правда, почти год назад.

— Ну ты даёшь. Собутыльн... подружайку позабыла, не узнала. С тебя причитается. Жаль только, в ближайшее время наши любимые «Чёрные глаза» не опустошим. В Испании такая бутылочка де-фи-цит.

По этой манере растягивать последнее слово Элеонора опознала Марго, вернее, Машку Рогозину из Приречного района.

— Рогозя, какая Испания? Кто это тебя так разукрасил, что мама родная...

— Ха-ха. Открываюсь, как близкой подруге. Всё просто! Защита сви-де-те-лей. Помнишь моего шефа из Гособлторга?

— Того, который к тебе клинья подбивал? И подбил-таки. Ты говорила, что жениться обещал, в недалёком или далёком будущем.

— Во-во. Он самый. Переметнулся к Ленке из бухгалтерии. Свинья неблагодарная. Ну, я ему взяла да и о-том-сти-ла. Что знала: пароли, явки, счета (в постельке все мужи ой какие словоохотливые) — в органы отписала.

— В какие? — Лерура слушала, разинув рот.

— Во внутренние, конечно. И теперь меня знаешь как зовут? Госпожа Бернадетта! А фамилию не скажу, потому как бумагу грозную подписала.

— Так ты и в самом деле в загранке живёшь? А язык? Работа?

— Ну, Лерура — темень непроглядная. Говорю же тебе, программа защиты свидетелей. Пластическая операция. За счёт государства, между прочим. Правда, за силикон свои кровные отдала. У них там увеличение груди сметой не предусмотрено. Паспорт, вид на жительство — всё по программе. Слышишь, как море шумит? Средиземное, между прочим. Не хухры-мухры.

— Но ведь жить-то на что-то надо. Или и тугриков эти самые органы тебе отсыпали без счёта?

— Нет. С финансами у них не ахти. Из страны сбагрили — из сердца вон. Но ведь мне по закону четвертая часть от всего конфискованного у свиньи неблагодарной полагается. Вот на эти «коврижки» и существую безбедно. Лет на сто хватит, а поболее. Тырил мой любовничек с размахом. За это ему отдельное спасибо. Если надумаешь к нам на Пиренейский полуостров — встречу по-царски, вернее, по-королевски. Испания — это же монархия, хоть и конституционная.

До вечера Элеонора не находила себе места. Перебирала в уме всех знакомых, на предмет того, кого из них можно сдать в Прокуратуру, ну, или ещё куда.

По всему выходило, что общалась поэтесса с людьми честными, по большей части пьющими, но творческими.

Уже засыпая, поняла: кандидат на заклание отыскался. Главный редактор литературного журнала «Пегас в полёте» — Аристарх Абрамович Резонансов. Уж сколько кровушки нашего брата-поэта испил, не приведи господь.

Полгода спустя

— Уважаемая Азиза Абдукаримовна присаживайтесь, пожалуйста. Будьте добры ваш паспорт.

Лерура, ничего не понимая, трясущейся рукой протянула начальнику службы защиты свидетелей свою «краснокожую паспортину».

Книжечка мгновенно исчезла в аппарате для измельчения бумаги.

— Уважаемая бывшая поэтесса. Отныне вы чистокровная узбечка из города Ассаке Андижанской области. Приехали к нам на заработки. Так сказать, трудовая эмигрантка. Ещё вот что. Домой вам возвращаться нельзя. Сейчас в квартиру вселяются другие люди. С ними встречаться категорически запрещено. Будете обитать в служебном помещении, при ЖЭКе номер 34. Вместе с четырьмя такими же дворничихами. И не смотрите на меня так. Кто-то же должен обучить вас узбекскому языку и обычаям. Да, зарплата отныне будет стабильная, в отличие от прошлой жизни. Маленькая, правда, но, если два участка мести будете, то на скромное бытие хватит. За пластическую операцию кредит лет через пять погасить сможете.

— А разве это, — Лерура дрожащей рукой провела по лицу, — не за счёт государства?

— Так-то оно так, только сами же понимаете. Пандемия, кризис, бюджеты урезали, фондов нет. Но я же понимаю: вы из чистых и светлых побуждений этого негодяя Резонансова нам с потрохами. Кстати о них. Потом зайдите в бухгалтерию и получите причитающиеся вам восемьдесят семь рублей. Двадцать пять процентов от конфискованного, за минусом подоходного налога.

— У него всего столько было? — глотая ком в горле, молвила поэтесса.

— Несколько стельников нашли. В порванной подкладке пиджака завалялись. Остальное не его. Тёща у злыдня, как оказалась, всем движимым и недвижимым имуществом владела. А на неё никто заявления не подавал. Да не переживайте вы так. Уже осудили супостата, аж на два года. Условно.

Слёзы ручьём текли из глаз женщины. Она хлюпала носом и причитала:

— А как же мои котики? Что с ними теперь будет?

Офицер заглянул в папку.

— Белый, породистый, по кличке Барон, а также серая кошка Мурка и котёнок Черныш в настоящее время перемещаются к новому месту жительства, по адресу... Остаток корма, марки «Вискас», так же доставят, правда, только через неделю. Его надо проверить на предмет наличия вредных веществ.

— А как будете проверять? В лаборатории?

— У нас всё проще. Мой заместитель лично и проверит. Как говорится в известном фильме, на кошке. Своей. Ничего человек не жалеет. Службы ради.

Ещё полгода спустя

— Сарымсакова ты будешь?

Элеонора отложила в сторону метлу. Машинально вытерла руку о фартук. — Ассалам алейкум. Что тебе от бедной юракча (дворничихи — узб.) нужно? Зачем от дела отвлекаешь?

— Не сердись. Не надо унинг ошлари на шли (брови хмурить — узб.) Я читал твои переводы азиатских поэтов на русский. И сдаётся, что ты не тем занимаешься.

— Как это не тем? А на что я существовать буду? Кисок моих кормить? Отойди, не мешай. Мне план выполнять надо, аж до той остановки.

Вместо ответа незнакомец вырвал из рук женщины орудие труда.

— Я мести буду! Ты иди рядом! Молча! Зовут меня Акбор. Работаю главредом и ещё соучредителем. Услышав это, Лерура хотела немедленно «дать дёру», как можно дальше, но любопытство пересилило, и она кокетливо указала пальчиком на окуроч, незамеченный незадачливым помощником.

Пролетел ещё год

Монитор последней модели, используя встроенные датчики освещённости, автоматически уменьшил яркость экрана.

Скайп перестал петь свою заунывную песню и наконец соединил звонящего с далёкой Испанией.

— Рогозья, привет.

— Не смей называть меня так. Я — Бернадетта! И точка.

— В таком случае, перед тобой некая Азиза Абдукаримовна. — Лерура рассмеялась. — Мой, эээ, бойфренд Акбор завтра летит в Барселону. Привезёт кое-кому подарочек. Пару бутылок «Чёрных глаз». Я же помню, что на Пиренеях с этим туго. Это тебе за идею.

— Какую?

— Защиты свидетелей.

— Сработало?

— Как сказать. Через неделю состоится общее собрание акционеров журнала «Пегас в полёте».

— И мою поэтессу наконец начнут печатать.

— Скорее всего — нет.

Где-то там, далеко за морями, бывшая российская гражданка Рогозина застыла с открытым ртом, не зная, что сказать. А Элеонора, насладившись моментом, продолжила.

— Понимаешь, контрольный пакет этого «террариума» у моего, ну, в общем, того, кто тебе винишко передаст.

— И? — Мария вытянула шею и почти упёрлась лбом в экран.

— И главным редактором буду я! — Лерура-Сарымсакова хотела ещё что-то добавить, но три кошки с разных сторон синхронно прыгнули на стол. Сунули мордочки в микрофон и замурлыкали что есть силы.

Александр Ралот

Победитель конкурсов «Золотое перо Руси-2018,2019, Серебряное перо-2020», «На пути к гармонии», «Мирная война», «Центр Европы»(Белорусь), «Плавская осень», «Венок Победы», «Патриот России-2020», «Ты цветы, моя милая Родина», лауреат Международных конкурсов: «Кавдория», «Белая акация», «Созвездие духовности», «Ключи от счастья», «Герои великой Победы», «Волошинский сентябрь», имени Сергеева-Ценского, «Славянская лира», «Русский стиль» (Болгария, Франция, Италия), памяти Али Герасимович.

Владимир Добрицкий

Карусельщик

Глаза у него очень хорошие. Ну, бывает же такое. Перед тобой стоит весь человек целиком, а видишь ты только его глаза. Он сразу показался мне мужчиной без возраста. Ну, то есть понятно, что взрослый, пожилой даже, но вот спроси, а сколько примерно ему лет – сразу и не скажешь. Можно было предположить, что шестьдесят. А может быть и семьдесят. А может и старше, просто так выглядит. Бывает же. Он стоял у своей карусели и улыбался. Улыбался моему сыну. Я протянул ему деньги, он легко подхватил Ромку на руки и спросил негромко: — Ты в какой самолёт хочешь?

Ромка указал рукой на выкрашенную в камуфляжные пятна «боевую машину» на крыльях которой краснели звезды. Карусельщик усадил его в самолёт, пристегнул и помахал ему широкой плоской ладонью. Затем нажал в будке какую-то кнопку и привел карусельную эскадрилью в движение. На Ромкином лице застыло выражение абсолютного счастья.

— А помню вот здесь, — я указал рукой, — были ракеты. Я с дедушкой любил на них кататься.

— Даже бетонное основание от них осталось, — подтвердил карусельщик. На его бейдже было написано имя – Фархад. — Две кнопки «вверх»-«вниз», летали – будь здоров!

Не знаю, почему я заговорил с ним. Видимо, та же магия добрых глаз. А теперь я вполне разглядел и его скуластое широкое лицо, лоб с широкими бороздками морщин. А глаза продолжали улыбаться.

— Все дети на каруселях счастливые, — сказал Фархад, наблюдая за Ромкой. В этот утренний час в парке посетителей было мало и мой сынишка был единственным «летчиком» на этом аттракционе. Все остальные истребители летали без пилотов, пустыми. И мне почему-то стало от этого грустно.

— Да, — подтвердил я. — Ничего не меняется. Вот эти лошадки и верблюды, — я указал на карусель за моей спиной, — тоже меня счастливым помнят, наверное.

— Эх, — вздохнул Фархад. — Был же замечательный завод аттракционов, а теперь что? Один сплошной Китай. Он оживился, приблизился ко мне и даже слегка тронул за рукав, как бы сокращая между нами дистанцию.

— Вот, вы говорите верблюды и лошадки. А я помню на этом самом месте ещё карусель без механизма. Двухъярусную. Внизу дети садились на лошадок, а наверх – добро пожаловать всем желающим. Приводить карусель в движение. А что?! Мне нравилось. Мы подростками частенько тут вертелись и я всегда наверх среди первых, — он широко улыбнулся и мелкие сеточки морщин у глаз расплывлись в стороны. — И физическая нагрузка, и детям радость.

— Это в каком же году было? — спросил я

— Если этих лошадок в шестьдесят первом установили, то... году пятьдесят седьмом -восьмом, наверное.

Фархад взглянул на наручные часы, подошёл к будочке и снова нажал кнопку. Самолёты стали потихоньку останавливаться. Лишнюю минуту Ромке подарил, отметил я про себя. Фархад отстегнул ремни у юного пилота и принес его мне на руках.

— Ну, что летчик, — улыбнулся глазами карусельщик, — придёшь ещё к дедушке полетать?

— Обязательно придем, — пообещал я и мы направились к другому аттракциону.

В следующий раз, хотя детей в парке было много, Фархад нас узнал и махнул рукой ещё издали.

— Давай-ка, Покрышкин мы с тобой на другом сегодня самолёте полетаем, — сказал он Ромке. — Вот смотри, какой жёлтый красавец! Согласен? Ну, вот и замечательно.

Ромка с радостью закивал головой.

— Папа! Зёлтый! — показывал он на свой самолёт, пока Фархад усаживал его в кресло пилота.

— Сразу виден опыт общения с детьми, — сказал я, когда самолёты отправились в полёт. Мне почему-то с неудержимой силой хотелось говорить с этим человеком.

— Трое внуков, — ответил Фархад. — Ну, и десять лет воспитателем в интернате.

— Офицерское прошлое?

— Какое там... Закончил пединститут, факультет физвоспитания. Но до этого рабочим был, в шахте даже поработал немного. Ругают советскую власть, а она мне все дала.

— Местный? Здесь родились?

— Нет. В Душанбе родился. Сюда отца перевели после войны начальником стройки. Мне два годика было всего. А сейчас вот внуки. Что тут осталось... Мне сосед говорит — ты их жизнь проживаешь, неправильно это. А как же неправильно, если я свою уже прожил. Значит наоборот хорошо. Вторая жизнь у меня, получается.

«Вторая жизнь у меня». Эти его слова я теперь часто вспоминаю, когда прохожу по парку. А тогда, по пути домой, я держал Ромку за руку и вспоминал почему-то своего деда. Я помнил его уже пожилым, хотя умер он всего в шестьдесят шесть. Говорили, что раньше мой дед был душой компании, он и действительно знал много анекдотов и забавных историй, но мне он казался грустным, я знал, что он болен, но как же мне с ним было интересно ни смотря ни на что. Он был настоящим героем, мой дед. Вся улица уважительно звала его «полковником», о подвиге его артиллерийской группы во время войны писали даже в учебниках по тактике ПВО. Я ходил с ним на торжественный парад в День Победы, там его узнавали такие же, как он, ветераны, седые, с медалями и орденами на груди. Они обнимались, в пол голоса говорили о чем-то, потом кто-то из них доставал из внутреннего кармана флягу, дедушка становился ко мне спиной, чтобы я ничего не мог увидеть. Но я видел. Головы ветеранов время от времени слегка запрокидывались и кокарды на их фуражках вспыхивали на солнце ярким блеском. Когда мы возвращались, всегда заходили в парк. В кафе «Сказка» я ел мороженное, мы вместе катались на «Ромашке», на тех самых ракетах, от которых сегодня осталось лишь бе-

тонное основание. Дедушка, пребывая в хорошем расположении духа (тогда я не знал, что причина тому заветная ветеранская фляга), обязательно приводил меня в стрелковый тир, где неизменно выбивал десять из десяти мишеней и вручал мне положенный ему за меткую стрельбу приз. Пробовал стрелять, конечно, и я. Но после того, как попал пулей в маленькое зеркальце, которое мишенью вовсе не было, а было просто зеркальцем, больше никогда не стрелял в тире. Я до сих пор помню? как дед доставал какие-то деньги, как инструктор в тире махал руками, отказывался от денег, показывал на награды деда на кителе и кричал: «Такой герой - ветеран, вах! Научи уже своего внука целиться, слушай, дорогой!»

Может быть, когда дед возился со мной, у него тоже была вторая жизнь. Он мне об этом не говорил, а я не спрашивал.

Когда мы снова уже всей семьёй пришли в парк в первые сентябрьские деньки, Фархада у самолётов не было. Вместо него истребители запускала пожилая женщина в утеплённой жилетке, с собранными в пучок крашеными волосами.

— А где Фархад? – спросил я. – В отпуск ушел?

— В вечный, – ответила женщина и вздохнула.

Умер. Странно, но у меня почти, да что там почти, совсем не знавшего этого человека ледяная волна пробежала по спине. А может быть и не странно это. — Сердце?

— Погиб он. Вечером уже дело было. Уходил уже. Шла мимо дамочка, вот прямо сюда к тропинке на выход из парка, – махнула рукой моя собеседница. — И тут парень на нее набросился, сумку вырвать хотел. Фархад наш вступился и получил ножом прямо в живот. Она помолчала и снова вздохнула – Как страшно все это. Господи, как страшно. Этот-то убежал, а дамочка «скорую», говорят, вызвала. Да только не довезли. Крови много потерял.

Я застыл и какое-то время не замечал ничего вокруг. Встрепенул от того, что Ромка тряс меня за руку.

— Папа! Папа! Давай зёлтый саалёт! Зёлтый!

Иллюстрация: Руба

Андрей Голубь

Венский поездок

В поселке Покрышкино на улице Ленина помер местный слесарь Антип. Мужик он был простой, жил как все — не то, чтобы бедно, но и не то, чтобы богато, с соседями был относительно дружен, жену не бил, детей не ругал. Привычек скверных Антип не имел, выпивал как все, разве что песни горланил матершинные, когда подопьет, но это уже было его, Антипа, дело, где и что петь, и никто из местных его за это не корил. Добра за жизнь слесарь Антип скопил немало, но добро это было неказистым и простым, а на другое Антип не заработал.

Похороны Антипа прошли через три дня по всем поселковым канонам — гроб на табуретках, причитающие старухи и длинная дорожка из гвоздик. Жена слесаря, прождав положенные сорок дней, укатила с соседом и детьми залечивать душевную рану на юга, а квартиру оставила одной бдительной соседке. Рано утром она вручила ей ключи с наказом раздать все, что имелось в доме, всем желающим. Старушка эта, после отъезда Антиповой жены, добросовестно написала записку на доску объявлений, а к вечеру слегла с сердечными болями и уехала в больницу на карете скорой помощи.

В записке говорилось следующее:

«В пятницу раздам Антипа покойного слесаря вещи всем желающим. Валентина 15 кв.»

Первым эту записку увидел местный хулиган, который шел рано утром в игровой клуб, прогуливать уроки. Ведомый, как позже скажет участковый, хулиганскими мотивами, он подписал на клочке слово известное, но некультурное, поэтому здесь оно напечатано не будет. Местный дворник, увидев безобразие, отходил шалопаю метлой, а записку исправил, чтобы не вызывать возмущения местных жителей.

Не успели ещё покраснеть следы от прутьев метлы под брюками хулигана, когда из подъезда вышла семья Куриных в полном составе. Отец с сыном несли ковёр, чтобы просушить его на заборе, жена с дочерью шли следом и

несли два таза белья, спеша занять свободные бельевые верёвки. Младший Курин заметил объявление и остановился.

— Папка, гляди! Бабка Валентина вещи Антипа покойного раздавать будет! Пишет про поезда какие-то!

— Антип, я слышала, в депо работал по молодости, — добавила жена. Нужно будет сходиться посмотреть.

— Вот это дело, может там инструмент какой заваялся, сходим, — ответил отец.

Мимо подъезда прошёл пенсионер из соседнего дома, беглым взглядом он окинул доску объявлений и сел за столик во дворе, чтобы немного отдохнуть в тенишке, к нему подсели ещё два местных жителя, достали домино, начали играть. Один из них припомнил покойного Антипа и его набор инструментов.

— Шабашить приходил всегда со своим — сказал один из них, звонко щёлкая по столу костяшкой домино, — даже сварочный аппарат содержал.

— В пятницу Семёна зашлём на разведку, нехай поглядит, — ответил другой.

Со стороны кооперативных гаражей во двор направлялась целая компания местных маргиналов -алкоголиков, которые еще до обеда успели изрядно принять на грудь и теперь слонялись и бездельничали. Новое объявление привлекло их внимание, когда до подъезда оставалось ещё метров десять.

— Работа там, может, какая, — произнёс один из них и ускорил шаг.

— Если работа, то я пойду, мужики, мне нужнее, — ответил второй. Все втроем они подбежали к доске и принялись жадно читать.

— Поезда, мужики! Поезда! Вы себе представляете? У моей тётки в детстве был венский поездок с рельсами и гудочком. Так она его потом у какого-то коллекционера на песцовую шубу выменяла! Храни, Боже, Антипа, покойного раба твоего!

Неожиданно на первом этаже, в квартире, окна которой выходят прямо на доску объявлений, дёрнулась занавеска, за которой скрывалось суровое лицо заместителя старосты дома Елены Карловны. На старости лет слух уже начал её подводить, поэтому основные моменты из этого диалога она выписала в специальную тетрадку. Красной ручкой Елена Карловна обвела слова «венский поездок» и «песцовая шуба».

Дважды попытавшись дозвониться в 15 квартиру, Елена Карловна набрала на телефоне номер соседки сверху.

— Ирина Олеговна, добрый день. Возмутительно, не то слово! Валентина дорогостоящие вещи покойного Антипа в обход жилищного комитета раздаёт! В частности песцовую шубу и дорогой венский поездок! Да, конечно надо разобраться. Я схожу к ней, попробую разузнать, что к чему. И вам всего доброго, Ирина Олеговна.

К вечеру все члены жилищного комитета срочно собрались у двери Валентины. Четырнадцать человек, суммарный возраст которых уже давно перевалил за тысячу, громко кричали и требовали у Валентины через дверь права первыми войти в квартиру покойного.

— Валентина, — кричала через дверь Ирина Олеговна, — мы вам объявляем импичмент! Откройте немедленно дверь!

— Мяу, — отвечала ей кошка Валентины.

— Граждане, граждане, — она решительно отказывается открывать! Я точно слышала, как она сказала “нет”! Валентина, именем жилищного комитета, откройте!

Не меньше часа деревянная дверь Валентины сокрушалась под натиском членов комитета, после чего собрание закончилось, и старикам пришлось разойтись. Ближе к ночи к двери Валентины подкралась Ирина Олеговна.

— Валентина, — прошептала она в замочную скважину, — нам с вами, как ответственным лицам, необходимо первыми войти в жилище Антипа. Песцовую шубу мы с вами уж как-нибудь поделим. Что мы, не люди? Вот вам небольшой презент.

С этими словами она свернула несколько купюр в трубочку и просунула их в замочную скважину.

— Валентина, вы согласны?

Никто не ответил. Ирина Олеговна пропихнула в замочную скважину ещё несколько купюр.

— А так?

Молчание. Ирина Олеговна выругалась и пошла наверх за заначкой. Стоило ей захлопнуть дверь, как на лестничной площадке появился ещё один представитель жилищного комитета, Иван Никифорович. Он достал из кармана конверт с пенсией и судорожно начал скручивать купюры трубочкой и просовывать их в замочную скважину.

Иллюстрация: Рыба

— Валентина, это Иван. Вы только меня не забудьте. Я с вами пойду!

Просунув в замочную скважину половину содержимого конверта, Иван Никифорович услышал шаги и сбежал. Сверху спустилась Ирина Олеговна.

— Валентина, я слышала, как вы выходили. Я отдаю вам все свои сбережения и надеюсь на ваше благоразумие. Буду ждать вас в десять утра здесь на лестничной площадке.

Не меньше получаса ушло у Ирины Олеговны на то, чтобы просунуть все свои деньги в замочную скважину. После того, как она ушла домой, открылась соседняя дверь, откуда вышла младшая Курина.

— Бабушка, — шепотом произнесла она в замочную скважину, — меня мама послала, я вам всегда помогала. Вот папкино кольцо и мой золотой кулончик, я всё в ваш почтовый ящик положу, заберите, пожалуйста, только возьмите маму тоже в Антипову квартиру. В девять утра она к вам постучится.

Следом за ней у двери Валентины появилась делегация стариков из соседнего дома. Кто-то пустил слух, что в квартире Антипа стоит дорогой немецкий коллекционный сервиз, и поэтому они тоже намерены принять участие в дележе. Сообщив, что вернутся ранним утром, старики бросили все свои накопления в почтовый ящик и удалились.

Паломничество к двери Валентины продолжалось до поздней ночи и переросло в настоящие торги. Те, кто уже отдал Валентине деньги за делёж Антипова добра, ревностно следили за теми, кто приближался к её двери, а после их ухода возвращались и «перебивали ставку».

В шесть утра у двери Валентины собралась немыслимая очередь из жильцов всего района. Людей пришло настолько много, что все банально не вмещались в подъезд. Ближе к семи утра из квартиры вышел молодой человек с двумя спортивными сумками и с удивлением обнаружил столпотворение.

— Вы кто, — хором спросила толпа.

— Внук, — ответил молодой человек, — бабушка просила забрать кое-какие вещи, кошку покормить и передать ключи от Антиповой квартиры.

Добрая сотня рук тут же потянулась к нему, он

достал маленький железный ключик и вложил его в первую же попавшуюся ладонь. Началась отчаянная давка, парень от испуга запрыгнул обратно и захлопнул дверь. Толпа поднялась вверх по лестнице и налегла на дверь Антиповой квартиры, кто-то повернул ключ, и все вместе они ввалились в жилище.

— Именем жилищного комитета я забираю шубу, — закричала Ирина Олеговна и ворвалась в комнату, — а где шуба? Кто шубу забрал?

Никакой песцовой шубы и дорогого немецкого сервиза в жилище Антипа не оказалось. Пустые покосившиеся шкафы, пузатый телевизор на маленьком столике и банки с соленьями на балконе. Побродив немного по пустой квартире, толпа с недовольством начала расходиться. Вместе со всеми из подъезда вышел внук Валентины, который быстро закинул спортивные сумки в машину такси и укатил в неизвестном направлении. Следом за ним выскочила Ирина Олеговна, хотела было догнать его, но не успела. В руке она держала единственный трофей из Антиповой квартиры, который она случайно обнаружила в мусорном ведре — расколотый пополам игрушечный вагончик с оттиском на дне — Wien, Osterreich.

Иллюстрация: Ryba

Андрей Жеребнев

Морские истории

Львиный храп как вагонные страдания

Вряд ли вы когда-нибудь повстречаетесь с ним в пути. Но если все же увидите этого немолодого, неприметного в общем человека с слегка печальным, словно заранее за что-то перед вами извиняющимся взглядом умных глаз, то уж конечно не забудете никогда...

Рыков все еще любил утреннее пробуждение в поезде. Тот рассветный час, когда зеленовато-серое вагонное окно начинало светлеть, и можно, то ли тихонечко соскользнув с верхней полки, то ли поднявшись с нижней, по-быстро-му «сполоснуть рожу» и набрать кипятку. Чтоб спокойно уже усевшись поближе к окну и растворив-размешав бесшумно пакетик кофе в кружке, неспешно смаковать рождение неповторимого утра: не прозевал!

И оранжевый свет все больше разливался по небу, и светлели поля и перелески, и такое же блаженное умиротворение воцарялись в этот час в вагоне: все прочие пассажиры наконец-то проваливались в сладкий, долгожданный сон.

Проснется большинство попутчиков – знал Рыков – теперь уже поздним утром, а кто-то очухается ото сна и далеко за полдень. И Рыкову опять придется опускать и отводить глаза и даже выслушивать быть может «сердешное» от какой-нибудь простодушной бабушки: «Ну вы и храпите!». А ему, как всегда, останется лишь развести руками и с партизанской стойкостью промолчать – не врать уже о сломанном на боксерском ринге носе, или обгоревшей в пожаре подбитого танка гортани.

Слава Богу – от локальных конфликтов и войн судьба Рыкова уберегла, а на боксерском ринге он за всю свою жизнь провел один-единственный бой. А вот храпел Рыков всегда – безбожно!

Храпел Рыков, сколько себя помнил. Помнил еще и храпящего деда, наслушался сполна и храпа брата. Мать утешала Борю в детстве:

«Человек храпит тогда, когда он спит на спине... И пьяный – тоже всегда храпит». Ерунда! Рыков храпел в любом положении – сколько не ворочали его с бока на бок терпеливая жена, или отчаявшиеся заснуть попутчики: все напрасно. А уж если спяню!..

Храпел у Рыкова и сын. Но, со здоровым, прищущим нынешнему молодому поколению эгоизмом, резонно рассуждал юнец: «Да, я храплю во сне. Но, папа, согласись: это ведь не мои проблемы, а того, кому мешает».

Верно, в общем – не поспоришь!

Но Рыков, воспитанный еще в те времена коллективизма, когда человек человеку провозглашался другом, товарищем и братом, сильно переживал на свой счет. В потомственном храпе он переплюнул всех своих родственников – на него, смело можно сказать, пришелся пик родовой силы. Причем, храп его по своей природе был не поступательно ровным, пусть и то потихоньку угасающим, то внезапно подсакивающим до свистящих фуг. Нет: в воцарившейся ненадолго тишине Рыков вдруг издавал душевраздирающий, по-настоящему львиный рык, от которого подсакивали домашние с коек и попутчики с вагонных полок.

Воистину: фамилии на Руси зря не давались!

И как с этим было жить? Он помнил, как рассказывал какой-то работяга во время давнего перекура: «Была одна старуха, так она так храпела, что ей, по советским временам, отдельную квартиру дали: во как!».

Рыков со своей семьей жил в двухкомнатной квартире. С женой они спали вальетом – чтоб не храпел он любимой прямо в голову. Соседи, конечно, слышали могучего храпуна тоже, но пока ничего не предьявляли. Супруга все не оставляла мечты купить угловой диванчик на кухню – чтоб иной раз переселять на каких-то полночи Рыкова туда. Но, и жена, и сын Рыкова очень любили, а потому притерпелись более-менее. Сынуля, правда, заснял однажды

на камеру айфона особо выдающиеся сонные завывания отца после прихода того из пивбара, но в ютуб не выложил, ограничившись утренним герою видео показом.

В море, в которое Рыков ходил всю свою жизнь, он тоже теперь старался выгадать отдельную каюту, дабы не спать с несчастным товарищем попеременно. Впрочем, храп слышали и за соседними переборками. Но кто-то утешал («Ты же не на ухо мне храпишь!»), а подчиненные теперь, когда дорос Рыков уже до шеф-повара, даже извлекал из того выгоду: можно было спокойно верховодить на камбузе, оставшемся на время без начальственного ока.

Настоящая же беда начиналась для Рыкова, и его попутчиков, в плацкартном вагоне. Ездить к старушке матери на другой конец страны приходилось каждый год: самолетом, за дороговизной, не больно налетаешься, да и билетов в сезон частенько не бывало. Как не высыпался Рыков впрок, как не держался стоически первые сутки, сон все-таки морил его убаюкивающим вагонным перестуком. И тогда, хоть и пытался Рыков контролировать дрему поминутным открытием смыкающихся век, через четверть часа его уже начинали толкать, дергать за ногу, гневно выговаривая в сердцах: «Весь вагон из-за него не спит!».

Да, подождали бы чуть: может, похрапит он для начала, а потом уснет беззвучно, как младенец – бывает ведь и так!

И разве Рыков был виноват?.. Разве, нетерпимое к нему человечество, со всеми нанотехнологиями своими, избобрело за все тысячи лет хоть единое средство против простого, банального храпа? Микстуру, капли, какой-нибудь гермошлем с глушителем по типу оружейного. Чтоб выпил ложечку, закапал в нос или горло, всунул голову по шею в шапку-неслышимку – да и спи себе спокойно! Проваливайся в сладчайший сон, наслаждайся этой радостью жизни, отсыпайся в дороге!

А Рыков, в очередной раз потревоженный в ночи каким-то злым попутчиком, бесполезно переворачивался на другой бок и некоторое время тарасился в ночную полутьму вагона, вполне серьезно размышлял в эти минуты об уходе из этого мира. Ну, а как прикажете жить, если боишься заснуть, а заснув, невольно причиняешь страдания тем, кто рядом!.. Как существовать, только бодрствуя? Как сделать бессонными тело и разум?.. Где найти ту келью с толщиной стены

средневекового замка, что сокроет проклятый его храп под покровом любой ночи?

Кстати, о камере – думал Рыков: хоть от тюрьмы на Руси никогда не зарекаются, но не дай Бог ему туда угодить – задушат, ведь, безжалостные сокамерники в первую же ночь!

Вот таким вагонным изгоем Рыков и ездил. И почти всегда теперь, уже проснувшись, он какое-то время еще лежал с закрытыми глазами: реабилитировался жалко. Мол, спит он, и спит – засвидетельствуйте! – совершенно без храпа – может, как видите, он и так! Как будто таким образом получалось разбавлять время храпения «сном» беззвучным, мнимым.

Что же делать, коль природа храпа такова: почему-то человек не слышит собственного свистящего, завывающего, громоподобного храпа. Удивительно даже! Напротив – знал Рыков, – самый сладкий храп приходит с самым сладким сном.

А еще и выпить в дороге теперь из-за того было нельзя!.. Иногда Рыков все-таки «отлетал по беспределу», не особо скупясь в вагоне-ресторане. Чтоб не маяться грядущей ночью искренними переживаниями и совершенно напрасными стараниями сдерживания храпа. Он заваливался тогда на свою полку замертво и без оглядки: гори оно все огнем – нехай слушают!

Выручали Рыкова порой другие «сверчки» – иногда их было несколько по вагону, но тогда уже какая-нибудь бессонная тетя негодовала прямо в ночи: «Ну, невозможно же спать – и отсюда храпят, и оттуда!»

Как-то так: правдами – неправдами, перегонами – полустанками... Да, не позабыть бы: стоянок поезда – особенно долгих – Рыков боялся особенно. Во внезапно выдававшейся тишине могучий храп слышался отчетливейшим образом, и каждый проходящий по вагону подышать – покурить мог в глаза увидеть злостного нарушителя общественного сна.

В общем, тяжко было Рыкову ездить теперь: в молодости-то не особо он своим недостатком морочился.

Но в конце пути, когда поезд, весело поспешая, нес уже по родимой стороне, и в вагонном окне мелькали знакомые местечки, леса и поля, Рыков все же неизменно принимал решение ж и т ь. Жить, работать, творить, любить! Пить горячий, в самый спозаранок, кофе в спальном вагоне, предвкушая уже залитый солнцем перрон

и скорое свидание с родными – наконец-то он увидит их лица после трехнедельной разлуки! И в трудах и заботах нового дня, и всех дней будущих, которые щедро дарует ему всепрощающее Небо, заочно искупать невольный грех бессонных ночей, что доставил он в этом пути добрым людям...

Люди! Ездите смело на поездах РЖД – безопасном и удобном виде транспорта: вероятность попадания в один вагон с Рыковым так ничтожно мала, что не поддается никакому исчислению!

Суп из черепахи

Вы ели когда-нибудь суп из черепахи? Говорят, сейчас модно. Впрочем, во все времена престижным было...

— Однажды подняли в трале черепаху – большая такая! Ну, вытащили ее на палубу...

— А зачем она вам была? – сразу заволновался я.

— Как зачем? Суп черепаховый – знаешь какой вкусный? – то ли со знанием дела, то ли передавая слова какого-то бывалого морехода, повернулся в сторону меня, наивного, Валера.

Валера – старшим и верным товарищем мне в том давнем морском рейсе был. Учил, как надо заделывать дыры в сетке трала («От этой ячеи, до вот этой: от «пятки» до «пятки»), резаться в карты в «тысячу», да и многим прочим хитростям и премудростям жизни морской. И много, достоверно и красочно, рассказывал о тех по миру местах, где посчастливилось ему побывать. А я внимал Валере – чутко и преданно. И восхищался и его умениям, и тому, сколько удивительного в заморской стороне он уже увидел: мне бы так! Конечно, думаю теперь, и потому безоглядно все на веру принимал, что чувствовал в нем родственную, простую и добрую душу.

И тут на тебе – живая черепаха на суп экзотический!..

— Ну, и чего вы с ней сделали? – замер от эрзаний на стуле и похолодел внутри в эту страшную минуту я.

— Да-а, посмотрели – а она плачет.

— Плачет?.. Прямо – слезами?

— Ага. И слезы такие – с горошину! Обратно ее по слипу в море и смайнали – пусть дальше живет.

Заделка дыр на трале мало мне в работе при-

годилась – так, ликбез, не более. В карты я тоже с той поры никогда не играл. И супа черепахового за всю жизнь так и не отведал, и уж точно никогда не пожелаю: рассказу тому спасибо! Пусть живут мудрые черепахи сотни лет, неспешно – без оглядки на гиперзвуковые ракеты от безумных двуногих – лапы свои по земле ли переставляя, или перебирая ими в лазоревой воде. Пусть живут – без боли и слез: добрые люди и постными щами со свежей, аль кислой капустой вполне переберутся!

Красные фонари

Старушка Европа дивилась тогда еще не новыми, а просто русскими.

Красных фонарей попадалось много. Но все не те – под ними неизменно оказывался зазывала, эмигрант, который, хватая за рукав, на ломаном английском назойливо уговаривал меня зайти, называя достаточно низкую сумму. Но по книгам и кинофильмам простой русский паренек Табунков знал – выход в таких местах будет стоять много дороже. Поэтому все шел и шел по промозглым улицам ночного порта, где стояло его судно, и повернуть назад было невозможно – этого ему не простят!

Наконец, он, похоже, наткнулся на то, что искал. Яркие красные фонари у входа высвечивали не нахального швейцара, а дорогие автомобили у обочины. Догадка подтвердилась, когда из остановившегося напротив такси вышли двое мужчин весьма респектабельного вида и направились к дверям заведения.

Табунков еще несколько мгновений помедлил, усмиряя в душе весьма противоречивые чувства, и, насилию поборов преступное малодушие, которое вполне могло сойти и за угрызения совести, шагнул под красный свет. Первый раз в жизни.

У него просто не было выхода.

Цвет зеленых купюр замелькал уже в холле, ничем особым не отличавшимся от фойе кинотеатра. Тучный бандер в белоснежной рубашке и черной бабочке продавал за стойкой входные билеты вошедшим перед Табунковым господам. Выждав, пока те уверенной походкой завсегдатаев проследуют в резные двери, Табунков приблизился к стойке и робко справился о цене. Бандер, бросив беглый взгляд на незнакомого посетителя, холодно назвал сумму. Она ока-

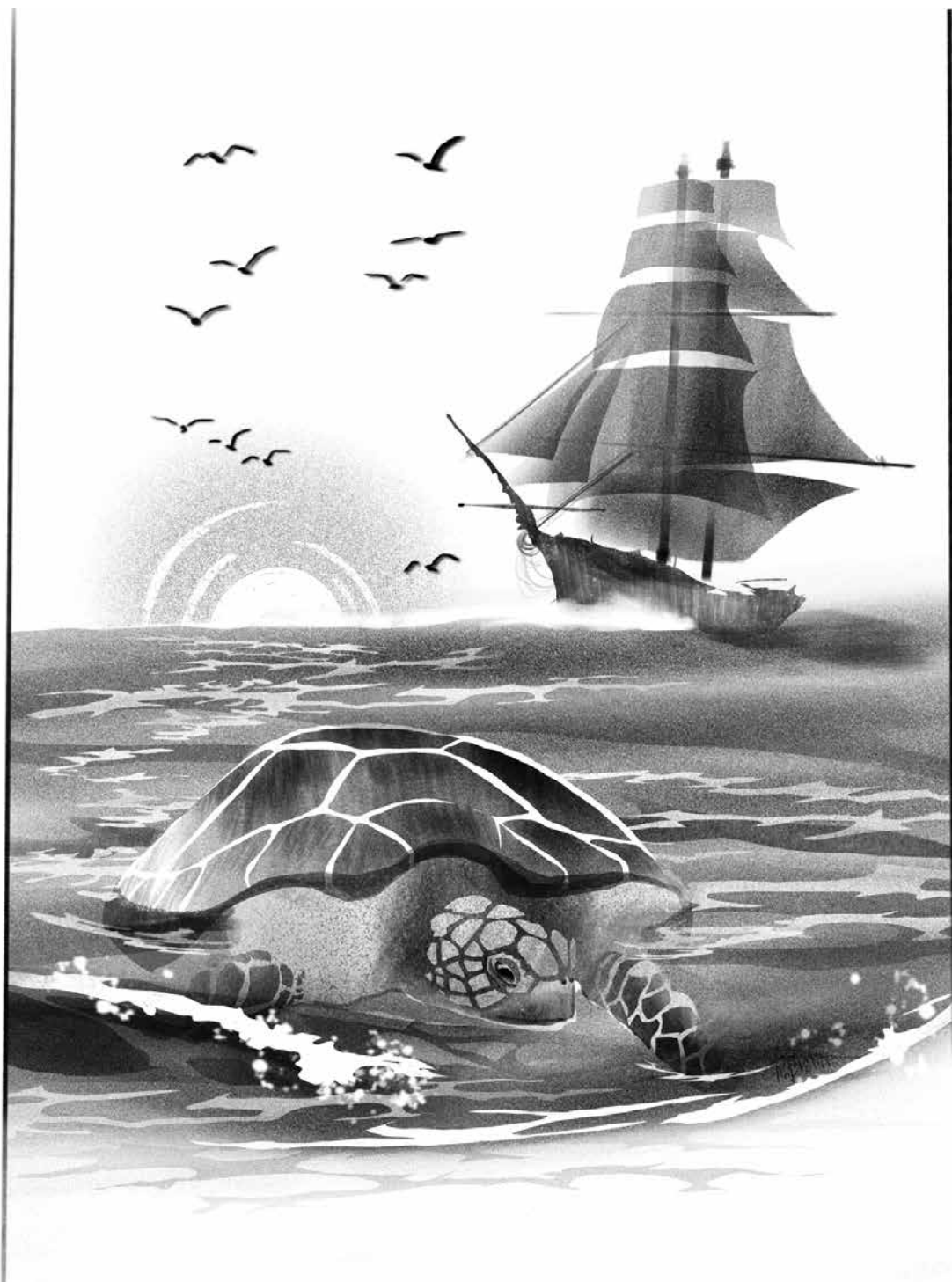

Иллюстрация: Трофименко Оксана

залась приличной – неделю Табункову в море вкалывать. Это обстоятельство показалось ему более чем убедительным, и, облегченно вздохнув, наш несостоявшийся герой хотел уже было ретироваться, как вдруг резные двери распахнулись, и из них вышла!..

Шоколадного цвета девица, держа тонкую длинную сигарету на отлете хрупкой руки, прошла прямо к стойке, перекинулась парой фраз с бандером и, так и не удостоив щуплого посетителя взглядом, надменно продефилировала обратно. А Табункова вмиг прошиб пот. Ибо из одежды на точеной фигурке был некий пляжный вариант, причем той ультра прогрессивной части прекрасной половины человечества, которая решительно не желает ни в чем уступать – даже во время купания и загара – половине сильной.

А Табунков вот уже полгода не был не то чтобы на пляже, но и просто на берегу.

«Ладно, — выживая деньги из кармана, решил он, — вдобавок еще и скрягой обзовут!»

Мгновенно просияв, бандер обменял хрустящие купюры немалого достоинства на красный – в цвет! – билет и кивнул на искусительные двери. Унимая бешено бьющееся сердце (обратной дороги уже не было), Табунков на негнущихся ногах направился к ним...

А все односельчане, жадно внимающие его рассказам о заморских странах, нетерпеливо ждущие новых повествований! Что поделатъ – один он был на затерянную в российской глубинке деревню морж. Посчастливилось ему, приехав однажды в балтийский город, увидеть синее море и дивные страны за ним. И сама собой легла на плечи эта миссия – красочно, а, главное, правдиво, рассказывать обо всем увиденном землякам. И хоть не баловал рыболовный флот частыми заходами в инпорты, кое-что посмотреть уже удалось. Из Мавритании Табунков привез воспоминание о песчаных бурях, воинственных маврах и грязных кварталах мазанок в портовых районах. На верблюде, правда, прокатиться не пришлось. Зато в Нигерии «посчастливилось» ни за что ни про что получить по спине дубинкой чернокожего полицейского в придачу к восхитительным впечатлениям от вечнозеленых тропических джунглей по берегам извилистой реки. И вот в этом рейсе так повезло – Роттердам! Цивилизация! Европа! Крупный порт, город каналов, устремленных в небо готических соборов и мельниц. И еще

районов красных фонарей. Эту достопримечательность почему-то первой указывали в письме одноклассники, прознавшие о предстоящем заходе в Нидерланды. Кто-то из них слышал по радио, что Роттердам – «индустрия секса».

В колхозах всегда живо интересовались достижениями индустрии.

Теперь обойти красные фонари было невозможно. Поэтому, при свете дня добросовестно отбив ноги о брусчатку мостовых, отщелкав несколько фотопленок, с заходом солнца Табунков взял курс на их свет.

Итак, он не распахнул и вошел, а приоткрыл и протиснулся в резные двери, оказавшись в большом полутемном зале. По левую руку была стойка бара, за ней ряд пустых столиков. Прямо располагалась сцена, на которой пышноволосяя девица под громкую музыку еще только вознамеривалась показать что-то малочисленным зрителям, рассеявшимся внизу на диванах. А справа на высоких кожаных табуретах, в несметном, как показалось Табункову, количестве (у страха глаза велики!), восседали они – передовички, надо полагать, этой самой индустрии. Всех цветов и оттенков кожи, какого угодно роста и сложения. И Табунков, спешно взбираясь на табурет у стойки, невольно восхитился разнообразием женских фигур.

Бармен тотчас налил бокал светлого пива – его стоимость, оказывается, входила в цену билета. Это пришлось весьма кстати – видимость какого-то занятия можно было создать. Вцепившись обеими руками в бокал, с пятисекундным интервалом из него прихлебывая. Табунков неотрывно – упаси Бог скосить глаза вправо! – глядел на сцену, где девица под музыку неспешно освобождалась от одежды.

Так прошла целая вечность – минуты, верно, полторы. Наконец одна из белокурых див, отчаявшись дожидаться знаков внимания от необычного и симпатичного посетителя, грациозно соскользнула со своего наместа и направилась к Табункову.

Краешком глаза узрев маневр, тот изо всех сил попытался расслабиться, даже небрежно бросил подрагивающую руку на стойку.

— Привет! – сверкнув обворожительной улыбкой, она уселась рядом, и ладонь Табункова оказалась вдруг намертво пригвожденной к стойке ненавязчиво влившейся в нее грудью девицы.

Прохлада упругой плоти могла свести с ума

кого угодно...

«Да ладно! – вдруг воспрял духом Табунков, – Культпоход, так культпоход!»

– Вечер добрый, – старательно, как учила преподавательница английского языка, напряг рот Табунков, – Как дела?

Дела у девицы оказались вери гуд, – она ведь только что познакомилась с таким парнем! Приятное знакомство, заметила она, запросто можно продолжить.

Табунков молчал. Вообще-то он был парнем компанейским...

Безошибочно угадывая его состояние, девушка ворковала о том, о сем, мягко подводя разговор к цене дальнейшего общения.

Оно стоило уже месяца работы в море.

Вовсе не из желания воззвать к совести жрицы любви, а лишь для продолжения светской беседы, которая хоть как-то оттягивала его ответ, Табунков повел речь о море. О чем он еще мог так хорошо рассказать? С каждым его словом в темных глазах новой знакомой появлялся неподдельный интерес – все-таки девушки неравнодушны к мужественным морякам. Особенно портвые. И Табунков, понемногу осваиваясь в непривычной обстановке, оседлал любимого конька, умудряясь даже при скудном словарном запасе и заблокированной для жестов руке живописать довольно красочные картины. В какой-то момент его пылкой речи и прозвучало слово «русский».

– Русский? – ее расширившиеся глаза горели полным восторгом. Она смотрела на него так, как смотрят дети на новогоднюю елку или на слона в зоопарке. – Ты русский?!

Табунков не без гордости кивнул.

Не в силах совладать с захлестнувшими эмоциями, девица спорхнула с табурета и, подбежав к своим «коллегам», громко выдохнула:

– Да ведь это русский!

Удивленно-восторженный возглас пронесся по залу. Бармен уронил под стойку пустой бокал. Вальяжные господа дружно поворотили шею. Даже девушка на сцене, казалось, замерла в финальном движении. Впрочем, свое выступление она тотчас завершила. И бокал в руке вовремя опустел. Так что зардевшийся Табунков под взоры десятков глаз ловко спрыгнул со своего места и направился к дверям.

– Как?! – задыхались в праведном гневе в этом месте его рассказа земляки. – Да ведь если б ты остался!.. Так зачем ты вообще тогда шел?

А Табунков удивленно пожимал плечами. Ну и остался бы – дальше ведь ничего экзотического уже б не случилось! Так зачем шел? Чтоб вам, дотошным, рассказать, как оно там – в районе красных фонарей. Роттердам ведь, Голландия!..

Замурованные наглухо

– Ну все, пипец нам! – обреченно взвизгнула Полина.

Тяжеленная и толстенная, как в подземном бункере, дверь морозильной провизионной кладовой с издевательской плавностью захлопнулась секунду назад под крен судна, наглухо замуровав нас с Полиной внутри.

А минуту назад я еще мирно жарил для экипажа куриные отбивные, и тут из недр коридоров услышал призывный клич шеф-повара Полины: помочь ей надо было в провизионке с мороженым мясом, что готовилась вытащить она на завтра. Вот, я и прибежал впопыхах.

Я слышал истории про повариц, что, будучи однажды внезапно закрытыми в провизионке, потом уж наотрез отказывались дальше рисковать в одиночку: «Ты постой здесь, пока я там буду!». Женщины, что с них возьмешь! Я же никогда подобного панического страха не испытывал – в каждой провизионной кладовой есть волшебный рычажок на виду, у самой двери: надавишь на него многократно рукой дрожащей, и начнет тренькать-звенеть в машинном отделении: «человек в провизионной кладовой». И тогда уж прибежит вахтенный моторист, или сам рефмеханик проведать – не ложная ли то тревога. Конечно, если та сигнализация на уже далеко не новых судах еще работает, и вахта не дремлет.

Надавил я от души на рычажок – оставалось ждать.

На нашем же судне, которое было почти что флагманским, кто-то когда-то еще и «приспособу» — механизм для открытия двери изнутри соорудил – спасибо, продумали и сделать не поленились! Изнутри был никелированный набалдашник, по которому надо было от души вдарить – тогда штырь, надавливая нехитрым рычагом на обратной стороне двери ручку, приводил к ее открытию. Беда была лишь в том, что штырь провисал вкривь и вкось, и попасть им по невидимому мне узенькому рычагу было очень проблематично. Но я попробовал – пинком. Не

попадал пока.

— Лупи, лупи! – верещала Поля.

Я всегда был хорошим футболистом: все шло пока что мимо.

— Ну все, нам пипец!

Надо сказать, что за крепким, солёным словом «шефиня» в карман сроду не лезла. Крепка Полина была и умом, и в кости. Только вот оделась сейчас беспечно — легкая кружевная кофточка с коротким рукавом, и только: даже фуфайки, что висела теперь за дверью, не накинула.

Так же легко — в поварской униформе — был одет и я. Но, знойный повар не был мерзляком с детства, которое прошло в резко континентальном климате (летом — страшная жара, зимой — трескучие морозы), да и двадцать пять лет, с душой отработанных в милом морозном трюме, давали себя знать. К тому же я слышал, что замерзнуть — очень легкая смерть. Но, настоящий моряк всегда должен верить, что обязательно вернётся на берег!..

В конце концов, можно еще согреть друг друга телами: спина к спине, скажем. Но, эта мера была пока преждевременной: не испытывал еще я даже и легкого озноба, как и внутреннего волнения от лёгкости наших одежд и близости тел в внезапном таком уединении. При всем уважении к начальнице и наставнице, как к труженице и к человеку, это все же была не та женщина, с которой я хотел бы насладиться последними минутами нашей жизни.

— Не верещи, Поля! Сейчас, через пять минут отбивнухи на сковородке сгорят — пол парохода сюда сбежится: нас обязательно спасут!

То было чистой правдой: через пять — семь минут дым от подгорающих отбивных потянулся бы по всем коридорам, и встревоженный народ (пожар — самое страшное на судне) был бы тут, как тут. Помощь бы нам поспела вовремя. Вот только, партию дивных куриных отбивных в кляре — девять штук на большой моей судовой сковородке умещалось — было очень жаль! И, думая больше о них, сочных, с хрустящей корочкой, что обязательно должны были бы порадовать благодарных едоков, я в очередной раз саданул ногой никелированный набалдашник. И попал-таки в ту самую нужную точку — дверь наконец распахнулась.

И уже с коридора, пропуская вперёд заполошную Полину, увидел сковороду: отбивные, призывно и уже тревожно шкворчавшие в пупырешках подсолнечного масла, были еще живы!

Только, как выяснилось минутой позже, когда немедленно подскочил к плите и живо перевернул стойкие на другую сторону, поджарились чуть румянее прочих.

Охранник и бомж

В ту зиму трудился Эндрю охранником в круглосуточном продовольственном магазине. Между морскими своими рейсами: никакие деньги молодому семейству, вот — вот готовившемуся к пополнению, лишними не были. Хотя и не его совсем это была работёнка. Прямо сказать — собачья: стереги, чтобы какой-нибудь воровитый покупатель, или иная продавщица, чего-нибудь да не утанули.

«Припахивали», конечно, ушлые продавщицы и на подсобную работенку: пиво в холодильник вовремя загружать, чего-нибудь к прилавку из склада принести. Но, что были эти смешные своим весом ящики для трюмного матроса, играючи перебрасывавшего могучими руками до тридцати тонн замороженной рыбы за вахту!

И повадился к ним в магазин захаживать полудночный бомж. Покупал каждый раз полбулки серого хлеба и бутылку самого дешевого пива, да и убирался восвояси. Но в один поздний морозный вечер, совершив обычные свои покупки, он накрепко прилип к витрине, дотошно изучая ценники на красную рыбу, и черную икру.

— Андрей, выведи ты его! — не выдержала наконец одна из продавщиц, место которой было скорее в базарных рядах. — Он нам весь народ распушает.

Да, вид бродяга имел живописный. А уж запах!.. «Зори Парижа!» Однако, чуткий Эндрю колебался: выставить человека, хотя бы и без определенного места жительства, вот так, как собачонку, на мороз только из-за того, что отличается он убожеством и ветхостью одежды, и употребляет одеколон совсем не для бритья?.. И все же, охранник двинулся к бедолаге.

Вмиг оценив ситуацию, тот завел проникновенно:

— Вот есть у Джека Лондона рассказ...

Богатое и, признаться, сострадательное изображение Эндрю тотчас начало рисовать образ просвещенного, чуткого и ранимого эстета, знатока литературы, так нещадно побитого слепой и жестокой судьбой.

— ...Как вот такого же вида человека впусти-

ли в дорогой ресторан и обслужили по высшему разряду.

Эндрю устыдился своему невежеству – среди хранимых памятью произведений великого писателя ничего подобного не находилось. Вот ведь какой начитанный стоял перед ним человек!

— А он всего лишь, — видя, что страж местных порядков сдаётся, победно воздел заскорузлый палец бож, — хотел в тюрьму попасть : чтоб перезимовать.

— Э-э, дядя! — воскликнул тут Эндрю возмущенно. — Да ведь это и не рассказ Джека Лондона, а новелла О’Генри «Фараон и хорал». И в дорогой ресторан, к стати говоря, бродягу того не только, что не пустили, но и уложили, буквально, небритым фейсом на мостовую: мордой об асфальт — по-нашему... Так что давай, дядька, от греха!..

И на законных уже основаниях (плохое знание иностранной литературы, плюс искажение ее в корыстных целях), вытеснил постоянного клиента за дверь: интеллектом, получилось.

А из магазина знатный многим мореходам Эндрю (в береговой жизни, впрочем — Андрей) вскоре уволился — в море было пора. Уж лучше в трюме свою шкуру поморозить, чем самому последней шкурою прослыть: людей за то, что мало смыслят в прозе, в ночи за дверь, на холод лютый выводить (как не пеняли бы его за попустительство: без повода — людей!.. Людей, без места жительства)!

Витя, тебе на вахту

Мужики! Сейчас в порт придем — припрется ж, наверняка, эта уродина меня встречать, так вы стучите в мою каюту через каждые десять минут, засовывайтесь: «Витя, тебе на вахту!». Всех прошу!..

— Такая страшная?

— Да, сами посмотрите! Конопатая, в очках... Связался сдуру перед рейсом! А она — в л ю б и л а с ь, видите ли! Домой уже водила. Папа её мне говорил: «Вы, Виктог’, матг’осом в мог’е ходите? Ну, ничего — выучим вас на механика, или штуг’мана». Женья уже удумали: ща-ас!

Ошвартовался траулер в порту, был спущен парадный трап, и, по оформлению и уходу с судна властей, повалили по трапу тому наверх

встречающие с цветами. Скромно поднялась и веснушчатая девушка, робко спросила у кучковавшихся у трапа, прошла, ведомая внезапно вызвавшимся галантным провожатым, по коридорам, с плохо скрываемыми волнением и радостью постучалась в указанную каюту.

— Да, не такая она уже и страшная!..

— Да, вполне себе! Чего Витёк зря волну гонит?!

А и Витя тут в каюте разглядел вдруг: женщину, настоящая женщина!..

Увидел, наконец... Оценил! Пять месяцев рейса только и понадобилось.

А она еще и водки принесла — угодить ведь во всем старалась.

Нет некрасивых женщин! Есть мужчины, не вполне доросшие до того, чтоб в каждой женщине красавицу увидеть (а ведь все они изначально душой чисты и красивы, все королевы — только струны те душевные почувствуй и затроны!) — таким только кукол барби подавай: пусть играют!

И придвинулся тут Витя на диване, и обнял зардевшуюся нежно, и даже целоваться полез, и...

— Витя, тебе на вахту! — в дверь не только постучались, но и приоткрыли ее, заглянули, головную команду продублировали.

Каждые две-три минуты призыв, вслед за стуком в дверь и ее открытием, звучал. И выскочить и дать отбой Витя вряд ли мог: попросил об услуге он почти всех, а морское братство свято...

— Витя, тебе на вахту!.. Витя-я!.. Тебе на вахту!

Не случилось. Ни в этот раз, ни уж после...

Так ему, дураку, и надо!

Девушка та наверняка счастье свое нашла: душой она конечно красива, если пылко любить умеет, если верно ждать любимого — сколько судьба потребует — согласна. Ясно, встретилась однажды ей тот, что знал: веснушки — это капли солнца... Вот, теперь в его золотых лучах и купается!

И радости им в жизни только и пожелать — чего еще?!

А Витя так до сих пор матросом и ходит...

Александр Трифонов

Вы будете так царственно жалеть

Вы будете так царственно жалеть,
Я буду Вам стихи писать упрямо.
И будет литься листовенная медь
В пустые чаши высохших фонтанов.

Вы станете менять свой цвет волос,
Слова изящно обрамляя жестом,
Я стану тем, кем быть не довелось,
Нечаянно забредшим в Ваше сердце...

Мы будем дни и ночи напролёт
Сжигать слова у Вашего алькова,
И может быть, однажды там, вдвоём,
Всё позабудем друг о друге снова.

27.04.2021 г.

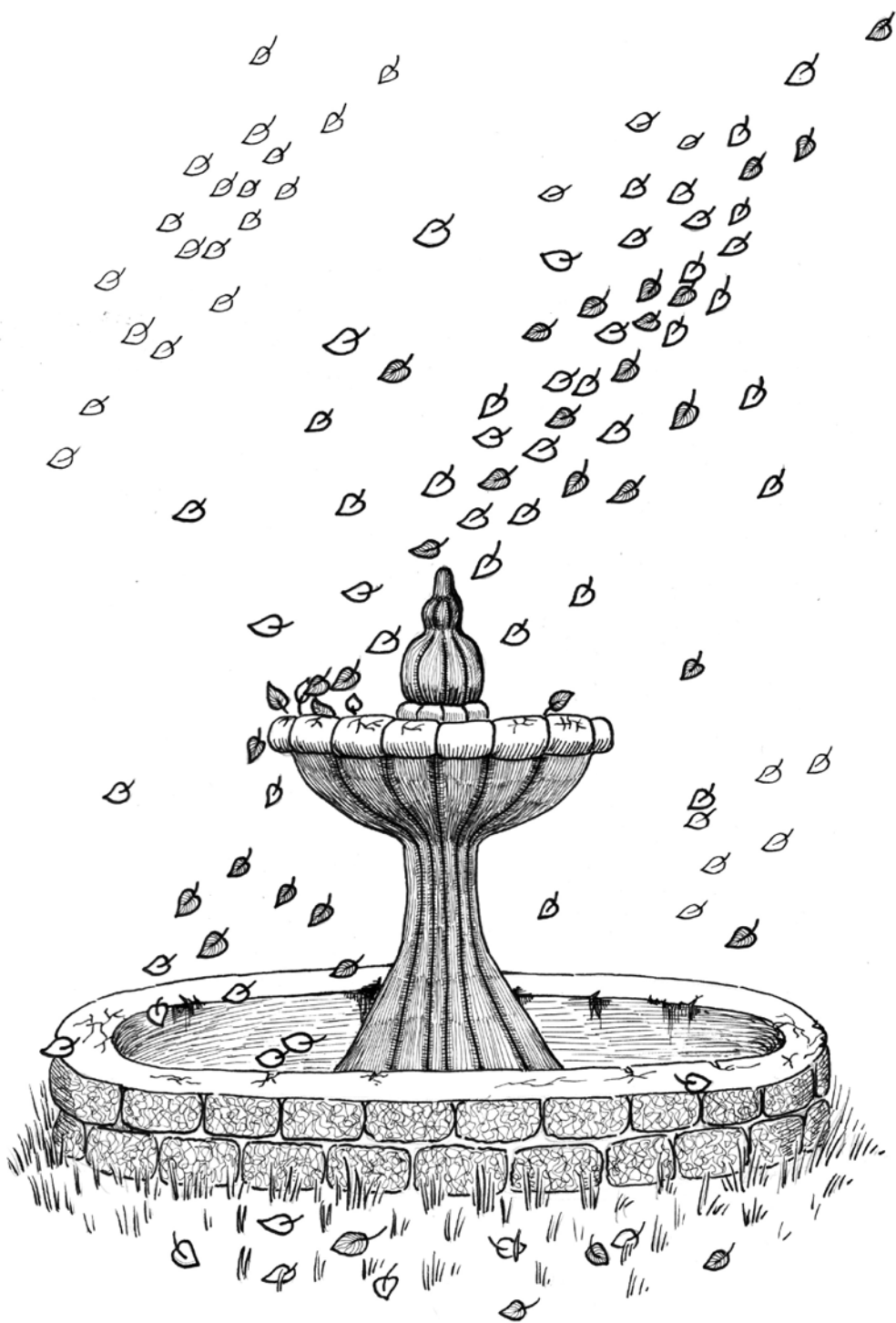

Иллюстрация: Ирина Буртовая

Религия твоих вещей ...

Религия твоих вещей,
Находки древних истуканов,
В осенних рощах пауки
Ткут сети из ночных туманов.

Богов мы делаем шутя,
Лепя и обжигая глины,
Всё было искренне, невинно,
Играло временем дитя...

Входящий в волны лёгких сфер,
Миров неведомых потоки,
Ты остаёшься одиноким...
Так Бог наш истинный хотел?

Религия чужих вещей...

13.03.2021 г.

Горькой влагой ...

Горькой влагой не залечишь раны ,
Ни тогда и верно , не теперь ...
С тихой грустью нас оставляют мамы ,
Больше не откроют в детство дверь ...

И ночной , срывающийся ветер ,
К дому опоздавших , гнал в пути ,
Все мы , дети ... И за всё на свете ,
Мама ! Опоздавшего прости ...

Горькой влагой не залечишь раны .

10 . 05 . 2021 г .

Игорь Улитин

Хлебобулочные изделия, любящие их женщины и странные мужчины

Штруделем жёстким зубы ломая,
Шла по лугам Бесарабова Рая.
Ей параллельно, царапая ноги,
Полз Бесарабов Израиль, убогий.

Кексом засохшим царапая нёбо,
Мчалась лугами Людмила Гринёва.
Рядом, за руку держась еле-еле,
Мчался Гринёв Николай, в тучном теле.

Булкой кирпичеподобной давившись,
Шла Марагарита Хохлова, упившись
Водкою тепло из мыльниц. А рядом
Шёл Анатолий Хохлов с трезвым взглядом.

С хлебом из отрубей, с круассаном,
Словно летела Крылова Оксана.
И не пошел с ней. Остался. Напился.
Аполлинарий Крылов. Он влюбился.

Светлана Гаврилова

Мелькают дни, недели и года

Мелькают дни, недели и года –
Течение времени, увы, неумолимо.
Минуты замыкают круг незримо,
В пространстве растворяясь без следа.
По траектории, зовущейся Судьбой,
Мы движемся по заданной орбите –
Рассыпаны, как буквы в алфавите,
И кем-то связаны загадочной игрой.
Игра напоминает буриме –
Смешав банальность, пошлость, гениальность,
Сценарий жизней пишет пунктуально
Вершитель во вселенской кутерьме.
А мы в своем очерченном кругу,
Послушно исполняя чью-то волю,
Играем отведенные нам роли
Пока еще на этом берегу...

Тихо заплачут во сне половницы

Тонко заплачут во сне половницы
От твоих долгожданных шагов,
И нереальности с явью границы
Ожидание спутает вновь.
Луч засмеется на чутких ресницах
Рыжими брызгами дня.
Тело и душу мою по частицам
Разбудит, зарей дразня.
Взгляда почувствую прикосновенье
Сквозь рыхлое облако сна,
И встретит меня улыбкой виденье
Из ночного квадрата окна.

Что останется после меня

Недосказанных слов груз,
 Недописанных строк грусть.
 Облетевшей листвы зола...
 В это край я уже не вернусь –
 Как бы я себе не лгала.
 Остановленный времени след –
 Прошлый век фотографий немых...
 Сколько зим, сколько лет, сколько бед
 На отметинах верстовых.
 Сколько мне еще суждено
 Выпить горечи и обид?
 Вьется жизни веретено,
 В нить вплетая бесстыдство и стыд.
 Что останется после меня?
 Хрупкой памяти тающий снег,
 Тень недолгого пестрого дня,
 Исчисляемого, как век.

Пробираюсь к себе через тернии

Пробираюсь к себе через тернии,
 Сквозь пласты наносных пород
 К той, почти безвозвратно утерянной,
 К той, что в прошлом давно живет.
 Возвратить бы свое восхищение
 Каждой малостью на пути,
 Удивление и вдохновение
 Через горести пронести.
 Чтобы складки у рта разгладились,
 Стал теплее голос и взгляд,
 Не бояться и не загадывать,
 Не оглядываться назад.
 В суете повседневной, рутинной,
 Где слова только звук набегу,
 Как собрать мне себя воедино?
 Все пытаюсь... и не могу...

Благодарю за каждый миг земной

Благодарю за каждый миг земной,
За предрассветный час и час заката,
За небосвод, расколотый грозой,
За безмятежность утреннего сада.
Благодарю за радость и за боль,
За нежность взгляда и суровость слова,
За то, что отведенную мне роль,
Не отыграть иначе, чем на совесть.
Благодарю, за осени глоток,
За молодость души и бренность тела,
За узенький безвременья мосток
Меж вечным бегом торопливых стрелок.
Я сожалею только об одном,
Что в слепоте житейских заблуждений,
Мы редко благодарность воздаем
Любому из отпущенных мгновений.

Светлана Гаврилова

Стихи пишу давно, не часто, по настроению, по состоянию души, когда не могу не писать. Член Союза Писателей России (хотя в настоящее время это не имеет никакого значения, кроме удовлетворения собственных амбиций). Живу в Подмоскowie.

Магомед Мусаев

Вынужден снова

Вынужден снова снова еле сотканный,
 Резво решивший Назиле изречь:
 “Ваши люблю непослушные локоны,
 Вашу лилейность изысканных плеч”.

Благо, усыпан громоздкими окнами
 Замок, чей вид отозвался беречь
 Сон Госпожи, застав поволоками
 Блёлые очи, что могут обжечь.

Знаю: любовь выпрашивать строками —
 Глупая выдумка памятных встреч!..
 Всё же сейчас речевыми потоками
 Вызволю чёрный чарующий смерч.

Выскажу мутными как бы упрёками,
 То, что заядло терзает, как меч:
 “Ваши люблю непослушные локоны,
 Вашу лилейность изысканных плеч”.

Когда не вижу я твоих очей

Когда не вижу я твоих очей,
 Измученный тоской, разлукой, пыткой,
 В ночи глухой, безжалостной и приткой,
 Злюсь от любых никчемных мелочей.

Ни музыка старинных скрипачей,
 Ни шутки, обрамленные улыбкой,
 Последней и отчаянной попыткой,
 Не сгонят мыслей траурных ночей...

И если б не сказал мне Некто свыше,
 Что срок разлуки наш почти что вышел,
 Сошёл бы я с ума уже давно,

Но верую, что так предрешено,
 Что встреча — неизбежный верный путь,
 Которому никак не увильнуть.

08.05.2020

От рук раздоров-палачей

От рук раздоров-палачей
весь искалечен,
блуждаю вдоль пустых ночей
и брежу встречей.

Мечтаю, чтоб явился день,
за ним и вечер,
в котором чёрствая мигрень
исчезла б легче,

в котором призраком шагнуть
решился б к речке:
вобрав воды в больную грудь,
взять дно покрепче...

Хочу приблизиться к тому,
кто нервно шепчет,
что смерть явилась, потому
дышать мне нечем.

Всё потому, что в двадцать два,
весь искалечен,
блуждаю вдоль ночей едва,
бредя о встрече.

Магомед Мусаев

Автор сборника стихов «Скупая круговерть».

Участник форума «Таврида» в Крыму и II форума молодых писателей Дагестана в Махачкале, фестивалей «Языки Кавказа» (Ставрополь) и «Национальных литератур народов России» (Пятигорск); участник совещания молодых переводчиков Фонда СЭИП в Звенигороде и слушатель поэтических семинаров Магомеда Ахмедова в Театре поэзии (Махачкала); член литературного клуба «Верба».

Алексей Воронов

Дефис

Мы строчек перешли рубеж,
Нас всех давно оцифровали.
И мы застряли где-то меж
Тех цифр, где нас прописали.
Тех, что ведут нас вверх и вниз,
Что есть в рождении и в смерти,
Где — жизнь уложена в дефис,
Меж цифрами на постаменте.

12.01.21

Я не люблю компьютерные игры.

Я не люблю компьютерные игры.
Мне трэша и в реальности хватает.
Вокруг меня и ангелы и гидры,
Под масками различными шагают.
Мы все играем выбранные роли,
Идя от жизни к смерти по контракту.
Съедаем нам предложенный пуд соли,
Готовясь к завершающему акту.
В реальности играть через усталость,
Под холод заползающий в пуловер,
Покруче, чем компьютерная шалость.
И смерть страшнее, чем простой game over!

Свистит мне в форточку Февраль!

Свистит мне в форточку Февраль!
Свистит надрывисто, натужно,
Вложив в мелодию печаль...
Но мне, совсем, это не нужно.
Он просвистел почти всю ночь,
Закончив свой концерт к рассвету.
Устал и удалился прочь.
А может понял — денег нету!

10.02.20

Детские воспоминания

Я помню детство, как обрывки сна.
Оно мерцает огоньком свечи,
Пугая мрак, ползущий из окна,
Под чмокающий треск углей печи.
Я помню нежность бабушкиных рук,
Её любовь в морщинках возле глаз,
И старенький, потрёпанный сундук,
Скрывающий секрет, на дне, от нас.
Я помню сладковатый запах дров,
Разложенных в вязанки у дверей,
Плетущихся на пастбище коров,
В сопровожденьи облака слепней.
Я помню щи с крапивой молодой,
Их запах над пузатым чугуном,
А также взгляд печальный и родной,
С иконы, освящающей наш дом.
Я помню своё детство, словно сон.
В углу стоит зеркальное трюмо,
А я кручу за ручку патефон,
И слушаю пластинку Адамо.
Я помню всех, с кем было мне тепло!
Вы в моём сердце живы и сейчас,
Там, где любовь и всем смертям назло!
Дай Бог, чтоб также помнили о нас.

21.11.20

Вячеслав Савостьяничик

Он стал груб и зануден...

Он стал груб и зануден, придирается к пустякам,
На любые вопросы в ответ раздаётся сарказм.
Говорит, что решит все вопросы и трудности сам,
Но в решении проблем не заметен энтузиазм.

Замечаешь, что поздно приходит не в первый раз.
Говорит, что устал и ложится без ужина спать.
В рассуждениях о будущем не упоминает «вас».
И уже ты ложишься как будто к чужому в кровать.

Ты конечно же знаешь что делать и как поступить.
Ты уже собрала чемоданы и это не просто капризы.
Лишь одно тормозит: как же можно за час разлюбить
Человека, который тебе дороже всей жизни?

Я неделю назад познакомился с Машей.

Я неделю назад познакомился с Машей.
 В коридорах больницы звучал звонкий смех.
 Пусть ребёнок играет, ведь это не страшно.
 Ну и что, что больница? Смеяться не грех!

Видно Маше я сразу пришёлся по нраву.
 Подошла, не стесняясь, как будто своя:
 — Как зовут тебя, дядя?
 — Меня зовут Слава.
 — А меня зовут Маша, теперь мы друзья!

С этих пор мы с Марией бродили повсюду.
 Я в компании с ней никогда не грустил.
 Каждый день задавался вопросом откуда
 В этой маленькой девочке так много сил?

А подруга моя без умолку болтала,
 Про семью рассказала, друзей и подруг.
 И по-взрослому очень жалела как мало
 Ей осталось лечить свой смертельный недуг.

Маша нас познакомила с плюшевым мишкой.
 Мишка ростом с неё, настоящий медведь!
 Я читал Маше старые детские книжки.
 Скучно ей, но сидит. Привыкла терпеть.

А вчера, покраснев, голосок приглушая,
 Маша мне рассказала огромный секрет:
 Скоро станет она уже очень большая!
 Маше завтра исполнится ровно семь лет!

Я проснулся пораньше. Сон — просто капризы.
 Упросил медсестру отпустить в магазин.
 Маша очень мечтала о «Киндер Сюрпризе».
 Я куплю ей, конечно, и не один.

Ведь один — это катастрофически мало.
 Пусть на каждый год жизни их будет все семь.
 Медсестра опустила глаза, прошептала:
 «Маша ночью ушла
 Ушла насовсем»

Марина Галеева

Про политику

На телевидение я устроилась сразу после университета – по глупости. Мне хотелось, чтобы меня зауважал мой однокурсник Ваня. Ваня мне очень нравился, а я ему – нет, потому что, когда мы оставались наедине, он все время разговаривал со мной про политику. Тогда я думала, что, если мужчина разговаривает с женщиной про политику, значит, считает ее умной, и ему с ней интересно. Со временем я убедилась, что когда мужчине интересно с женщиной, то про политику он с ней не разговаривает. Но тогда мне казалось, что если я устроюсь работать на политическую программу, то стану в глазах Вани удивительной женщиной. Я так ему и сказала:

- Ваня, я решила пойти на телевидение.

- Зачем?

- Ну, мы получили диплом журналистов, надо же где-то работать.

- Мы с тобой журналисты с большой буквы «Ж». Таких на телевидение не берут, - резюмировал Ваня.

Я обиделась и ничего не ответила.

В Останкино у меня был блат – Ира, соседка по комнате, работала там продавщицей цветочного магазина и знала людей, которые могли мне сделать пропуск. Ира относится к тем людям, которые легко заводят знакомства. Благодаря ей мы, однокурсники, – Ира, Ваня и я – нашли недорогую двухкомнатную квартиру «по знакомству». Правда, квартира была старая и убогая, зато рядом с метро. Мы с Ирой жили в комнате побольше, Ваня – в комнате поменьше, размером с купе поезда. Он говорил, что аскетизм закаляет дух, и стойко терпел неудобства крохотной комнатухи. По вечерам мы втроем собирались на кухне с желтым, ободраным по углам линолеумом и болтали – о том о сем. Чаще всего, к сожалению, о том – о политике.

Раздобыв пропуск и прочитав биографии Трампа, Макрона и Асада (я не знала, с чего начать знакомство с политикой и подумала, что прочитать биографии президентов – это вернее всего), я пришла в Останкино.

Телецентр внутри – это настоящий город, жители которого существуют по каким-то своим, абсолютно не понятным простым людям законам. Ну, например, одно то, что жизнь здесь кипит круглосуточно: ночью сотрудники разгуливают в настоящих флисовых пижамах и мягких домашних тапочках, и никто этому не удивляется. В телецентре есть магазины: продуктовые, сувенирные, цветочные, ювелирные; есть аптеки, парикмахерские, маникюрные и массажные салоны, есть душевые комнаты и даже... храм. Такое ощущение, что все это создано по одной-единственной причине – чтобы ты никогда не уходил с работы. Среди сотрудников телецентра ходит легенда, что был один ушлый редактор, который действительно жил в Останкино, чтобы экономить на съемной квартире. Не знаю, правда ли это, но то, что внутри этого города можно жить полноценной жизнью – точно.

Уверенным шагом я шла в нужную мне дирекцию. Длинные коридоры телецентра увешаны яркими фотографиями. Со стен на меня смотрели известные телеведущие, продюсеры, актеры – все они ослепительно улыбались и будто говорили: «Вот мы всего, чего хотели, добились, а ты-то что здесь делаешь?»

Открыв нужную мне дверь, я поняла, что не учла одного: у директора есть секретарь. И секретарь выглядела как натренированный сторожевой пес – если я сделаю одно неловкое движение, она на-

бросится на меня, защищая своего хозяина. Секретарь скептически посмотрела на меня:

- Вам назначено?

Обычно я никогда не вру, но тут было понятно, что правда «не прокатит».

- Назначено. Я по поводу вакансии редактора.

- Проходите, - строго и даже немного разочарованно сказала секретарь.

Кабинет был огромный, я даже не сразу заметила директора – Лидию Марковну. Это была эффектная женщина лет пятидесяти. Единственное, что мне запомнилось с той встречи – это ее невероятной красоты украшения. Таких необычных я прежде не видела.

- Здравствуйте. Меня зовут Аня. По образованию я журналист, очень хочу у вас работать на политической программе.

Лидия Марковна орлиным взглядом посмотрела на меня. Было ощущение, что я проходила дозор в аэропорту, когда тебя за секунду сканирует огромный рентген-аппарат.

- МГУ?

- МГОУ, - ответила я тихо, ожидая в ответ тактичное «извините, вы нам не подходите».

Не знаю, может, Лидия Марковна не расслышала затесавшуюся букву «о», потому что разговор она все-таки продолжила:

- Опыт работы?

Снова незадача. Весь мой опыт – подработки в торговом центре, который находился в трех минутах ходьбы от университета. Вместе с Ирой мы были продавцами-консультантами магазинов одежды. Потом подруга решила найти что-то более творческое и стала продавать цветы, а я, с рождения обладая не очень развитой мелкой моторикой, поддержать ее в этом не смогла.

- Я работала в пресс-службе магазина одежды, - ответила я и не соврала. На моем последнем месте работы был отдел, который занимался рекламой и писал тексты для социальных сетей, я проходила у них практику. А между рекламой, пресс-службой и работой на телевидении очень тонкая грань, разве нет?

Лидия Марковна явно думала иначе и не скрывала своего разочарования. У меня было несколько мгновений до того, как меня выгонят.

- Дело в том, что я только что окончила университет. И только теперь могу работать полноценно. Зато я пишу статьи о театральных постановках у себя в блоге. Очень люблю театр. Хотите посмотреть? – я схватила за свой телефон как за спасательный круг.

Мозг подсказывал: иди домой, какой театр? Но Лидия Марковна снисходительно ответила:

- Ну, покажи...

Я протянула ей свой телефон, и она секунд пять читала мои опусы, претендующие на лучшую театральную критику среди одиннадцатиклассников.

- Какой твой любимый театр?

Я хотела было ответить так, чтобы точно не прогадать – МХТ или «Современник». Но я ведь никогда не вру, поэтому меня пробрало на откровенность:

- Вы знаете, у меня нет любимых театров, есть только любимые спектакли. Я, например, люблю «Варшавскую мелодию» Голомазова в театре на Малой Бронной. Мне кажется, сейчас очень не хватает чего-то простого и душевного – такого было много у Леонида Зорина.

- Какого не хватает? – уточнила Лидия Марковна.

- Простого и душевного, - громче повторила я. – Еще мне нравится спектакль «Обыкновенная история» в Гоголь-центре. Когда я только-только приехала в Москву, моей любимой книгой была «Обыкновенная история» Гончарова. И мне безумно хотелось посмотреть ее на сцене. Но, представляете, в Москве ни один театр ее не ставил!

Раздался телефонный звонок, и Лидия Марковна начала разговаривать. Тут бы мне и остановить-

ся, но меня уже несло. И как только она положила трубку, я продолжила:

- Так вот. Потом вышел спектакль Кирилла Серебренникова. Талантливая режиссура, современное прочтение, игра актеров на грани доступного и запретного!

Лидия Марковна понимающе кивала.

- Выходишь из театра с полным ощущением того, что становишься Адуевым в твои планы не входит, а значит, надо эту реальность как-то побороть. Но как? – тут я наконец замолчала.

Я ждала, что Лидия Марковна спросит: «Как»? Но она не спрашивала. И потому, чтобы поставить жирную точку, я добавила:

- На это каждый отвечает себе сам.

Лидия Марковна молчала вечность. Потом сказала:

- Вот что. Сейчас лето, и все программы, кроме политического ток-шоу, идут в отпуск. Их мы не отпускаем, потому что это прямой эфир. Более того, говоря откровенно, заполняем ими все эфирные дырки. Редакторов я вынуждена отправлять в отпуск по очереди, людей не хватает. Поэтому я тебя возьму на испытательный срок – две недели. Если будешь справляться, то потом поговорим о дальнейшем.

Лидия Марковна позвонила продюсеру программы и сказала:

- Завтра придет одна девочка – театры любит, литературу... Пусть заменит Свиридову, тебе же как раз человек нужен был? Испытательный срок – две недели. Дольше девочку не мучаем.

- Спасибо, - сказала я. – До свидания.

Вот вляпалась! Я почему-то была уже не рада этой затее и хотела побыстрее уйти. Когда я попятилась к выходу, раздался голос Лидии Марковны:

- Ну... кто у нас председатель Госдумы и чем отличается Госдума от Совета Федерации, знаешь?

Вот и случился контрольный выстрел. Мои две недели, очевидно, закончатся через две минуты. Но я никогда не признаюсь, что чего-то не знаю...

- Конечно, знаю! Кстати, какой у вас график работы?

Я интуитивно нащупала болевую точку, обсуждать которую сотрудники телевидения могут бесконечно:

- Круглосуточный. Мы здесь всегда до самой ночи, а потом на телефоне. Выходных как таковых тоже нет. Добро пожаловать!

Я пошла по коридорам на улицу, набирая в гугле «председатель Госдумы». С фотографий на стенах теперь смотрели на меня с усмешкой: «Опозоришься ведь, опозоришься».

Я шла домой через парк и представляла, как расскажу Ване о своей новой работе. Он, конечно, встанет на одно колено и, если не предложит выйти за него замуж, то хотя бы скажет, что я – юная Маргарет Тэтчер. Потому что женщина, думающая о «реализации себя в профессиональной деятельности», как говорит Ваня, заслуживает больше уважения, чем та, которая об этом не думает. Когда Ваня услышал, что я теперь – человек политики, он действительно очень удивился:

- Что, правда устроилась? На телевидение же только через постель попасть можно.

Мой идеал мужчины часто демонстрировал удивительную способность узко мыслить. При этом он посмотрел на меня так, будто я при всем своем желании не могу пройти собеседование через постель. Я обиделась и ничего не ответила.

На следующий день я пришла к продюсеру программы. Им оказался мужчина лет сорока-сорока пять, который представился Сергеем. Оказывается, на телевидении принято общаться без отчества. Потом я поняла, почему – нет времени выговаривать полное имя. Сергей – очень умный, жесткий, бескомпромиссный человек, полностью соответствующий тому образу продюсера, который был в моей голове. Редакторы его не то чтобы боялись – перед Сергеем благоговели.

Он познакомил меня с начальником отдела экспертов Лёвой. Лёва – высокий, серьезный тридцатилетний мужчина с очень суровой внешностью и мягким характером. Поэтому Львом его никто никогда не называл, только Лёвой. Лёва объяснил мои обязанности: мне необходимо искать новых интересных экспертов в какой-либо области (будет зависеть от темы программы), брать у них интервью, чтобы понять точку зрения, и только потом приглашать на программу. Ну, и отвечать головой за все, что они ляпнут в эфире. И Лёва рассказал о том, как однажды эксперт в самом конце программы сказал, что народ не доверяет своему правительству. Надо было уходить на новости, поэтому ведущий не успел доказать обратное. С тех пор ни редактора, ни того эксперта никто не видел.

В отделе у Лёвы было двадцать человек: мужчин и женщин поровну. Почти все женщины были не замужем. Почти все мужчины были женаты. И абсолютно все обожали Лёву.

Чтобы работать гостевым редактором, нужно обладать тремя качествами на букву «н»: непосредственность, настойчивость и неугомонность. В моем характере нет ничего из этого незатейливого списка. Звонить людям ночью – это для меня проявление бестактности, убеждать прийти человека на программу, как уговаривают выйти деда Мороза на утреннике – скучно, а относиться к героям программы как к конфетам на конвейере – недопустимо. Но мне хотелось произвести на Ваню впечатление и задержаться здесь подольше, и это перевешивало все «но».

Мое рабочее место было возле окна, где за соседним столом сидел симпатичный мужчина лет тридцати и замороженно смотрел в телефон. Мы подошли к нему, и Лёва шутливым тоном сказал:

- Аня, это Рома, прикрепляю тебя к нему, он очень опытный и ответственный редактор, всему научит, все покажет, да, Роман Валерьевич?

- Я занят, Лев Владимирович, - серьезно ответил Рома.

- Чем же? Министр спорта дал тебе задание посмотреть футбол?

Рома положил телефон на стол – там действительно без звука шел футбольный матч.

- Я сейчас поеду в деревню записывать интервью, помнишь? И мужика того на завтрашний эфир привезу.

- А, точно. Ну вот поезжайте вместе, - распорядился Лёва. – Я хоть буду знать, что ты точно по работе поехал, а не пиво в придорожном кафе пить.

- Ой да ладно тебе, один раз было, а всю жизнь вспоминаешь! Как жена.

В кафе мы заехали первым делом. Я, конечно, не из робкого десятка, но в первый рабочий день спрашивать опытного редактора, знает ли он поговорку «сделал дело – гуляй смело», не стала.

- Ты че такая скромная? Закажи что-нибудь, я угощаю, - сказал Рома, отхлебнув пива.

- Я не голодна, спасибо. А... как вы за рулем поедете?

- В смысле?

- Ну... пиво пьете.

- Мы же договорились на «ты». Пиво – не водка.

Действительно, пиво – не водка, поэтому я не нашла, что ответить.

- Да не переживай ты, лучше выпей и расслабься. Первый закон телевидения – нельзя быть напряженной, потому что ты должна расположить к себе человека, у которого будешь брать интервью, а для этого надо быть открытой, общительной, веселой. Это психология! Поехали, - Рома допил пиво, и я засеменила за ним.

В машине он решил наконец рассказать, куда мы едем и зачем.

- Завтра будет программа про домашнее насилие. Там какая-то история мутная про то, что отец избивает дочь, которую из детдома взял. Я до конца не знаю, историей люди из бригады занимаются. И вообще поехать записать интервью они сами должны были, это не наши обязанности, но редактор по героям сейчас отдыхает, и послать некого – время отпусков. Ну, что-нибудь запишем. Блин!

Рома нажал по тормозам и остановился у края дороги.

- Я петлички не взяла. Ты же не напомнила?

Что такое петлички, я не знала, поэтому съязвила в ответ, что забыла, но Рома нотки моего сарказма явно не уловил.

- Так что делать будем?

В этот момент в окно автомобиля, как в плохом анекдоте, постучал инспектор ДПС. Их машина стояла так, что мы ее не заметили.

- Старший лейтенант полиции Соболев, предъявите водительское удостоверение и документы на машину.

- Зачем? – удивился Рома.

- Вы нарушили правила дорожного движения, - инспектор махнул на знак позади машины. – Остановка запрещена.

- Ну ладно, мы только что встали, секунды не прошло, вы же видели. Сейчас уедем.

- Документики предъявите, штраф выпишем и уедете.

Рома недовольно протянул документы. Инспектор заинтересованно их изучал и потом обрадованно сообщил:

- Таааак, права-то у нас просрочены, Роман Валерьевич.

- В каком смысле?

- В самом обычном. Год назад надо было менять.

Рома выхватил документы из рук инспектора, посмотрел на них и спокойно сказал:

- Действительно, просрочены. Видите, как я аккуратно вожу машину – меня целый год никто не останавливал. Отпустите, а.

- Я забираю у вас права, Роман Валерьевич, потом придете на комиссию за новыми. Машину сейчас отвозим на штрафстоянку.

Рома подпрыгнул от возмущения:

- Погодите, погодите, мы не можем на штрафстоянку, у нас это... свадьба, - не моргнув глазом сказал он.

Оба посмотрели на меня. Я решила, что безопаснее соврать инспектору, чем подставлять новоиспеченного коллегу. Вранье по мелочам явно входило в привычку.

- Да, в ЗАГС едем, расписываемся через час. Правда, может, это знак, что не судьба, а, дорогой?

- Как-то вы странно одеты для ЗАГСа, - подозрительно сказал инспектор.

- Почему? У нас платье и фата в багажнике, показать? – Рома отстегнул ремень безопасности, демонстрируя готовность предъявить доказательства, но потом спохватился:

- Ой, не могу, плохая примета до свадьбы платье невесты увидеть.

Инспектор оказался понимающим, но принципиальным человеком, а потому он предложил свой выход из ситуации:

- Ну что я, зверь что ли... Ладно. Мы вас сопроводим до ЗАГСа, а там уж, не обессудьте, придется машину забрать. Какой у вас ЗАГС?

- Первый, - неуверенно ответил мой будущий муж.

Тут уже мне эта клоунада надоела.

- Так, я ведь сама могу поехать за рулем? Вот мои права.

Инспектор, изучив мои документы, буркнул:

- Поехать-то вы можете, но вы в страховку не вписаны. Остановят – снова штраф.

- Ничего, зато мой жених будет знать, что с невестой все поровну делить надо, движимое и недви-

жимое имущество – в первую очередь.

Мы вышли из машины, чтобы поменяться местами, и остановились возле инспектора, который начал выписывать штраф Роме. Его права он действительно забрал.

- Ну, совет да любовь, - сказал инспектор и пошел к своей машине. Затем обернулся и довольно крикнул:

- Горько, что ли!

Рома не колеблясь потянулся целоваться, но я увернулась и молча села в машину.

- Да, туго у тебя с чувством юмора, - констатировал он.

- А если бы он согласился посмотреть на платье?

- Выкрутился бы как-нибудь. Не бывает безвыходных положений!

У Ромы раздался звонок.

- Да, Лёв, привет. Нет, еще не приехали. Почему-почему... Возникли непредвиденные обстоятельства. Да не сидели мы в придорожном кафе!

Мы неуверенно тронулись с места. Неуверенно – потому что права-то у меня были, а машины своей никогда не было. И со времен учебы в автошколе прошел уже год, поэтому я боялась даже газ с тормозом перепутать. Но решила не откровенничать.

- Тут такое дело. Я петличку в Останкино забыл взять, что делать? Да, я понимаю, что звук без нее будет г*но. Да, я понимаю, что нас с тобой за это ... наругают. Что делать-то? Да, точно, титры пустим. А ты чего звонил?

Выслушав начальника, Рома положил трубку и вздохнул:

- Второе правило телевидения: всегда проверяй, взяла ли микрофон...

- Может, вернемся?

- Не успеем. У нас еще задание. Надо скрытой камерой снять, как эти люди пьют.

- Что пьют?

- Воду из колодца! Как они бухают!

- А скрытую камеру мы где возьмем?

- На телефон снимать будем.

- Там же качество плохое.

- Нормальное. Присутствие жизни зато заметно. У зрителей создается ощущение, что они подглядывают, им это нравится.

- Третье правило телевидения?

- Да нет, нам просто руководство скрытые камеры никогда не дает, выкручиваемся вот как можем.

Я никогда не была в деревне, но всегда мечтала поехать туда на целое лето. Когда люди говорили про настоящую русскую деревню, я представляла бескрайние поля на закате, покосившиеся милые домики с резными ставнями, добрых бабушек, сидящих за окном, красивых юных дев, которые гуляют по тем самым бескрайним полям, плетут венки на голову, а потом обязательно идут купаться на речку. Настоящая русская деревня не имеет ничего общего с моими представлениями. В этом я убедилась, как только мы вышли из машины возле нужного дома. Оттуда доносился кричащий мужской голос и был слышен звон бьющейся посуды.

- Останься лучше здесь, - распорядился Рома и пошел в дом.

Я с удовольствием послушалась. Через мгновение до меня донеслось заплетающимся голосом сказанное:

- Девушка, вам муж-алкоголик не нужен?

Я обернулась и увидела совсем рядом двух типичных представителей деревни – пьющих интеллигентов. Насчет интеллигентов, я, правда, не уверена, но одеты они были прилично и говорили если не высоким штилем, то хотя бы таким тоном, будто они извиняются за то, что тревожат. Я молчала, просчитывая возможные варианты развития событий и не понимая, как реагировать – то ли бежать со всех ног, то ли просто не обращать внимания. Бурный мыслительный процесс отражался всего-на-всего идиотской улыбкой на моем лице.

- Я знаю, почему она смеется. У меня ноги кривые, - разочарованно шепнул один другому.

Только эта парочка показалась мне безобидной, как один подпрыгнул с кошачьей ловкостью и оказался возле меня. Я не успела отреагировать также молниеносно и отпрыгнуть в ответ, поэтому он поцеловал меня в щеку.

- Рыцарь получил достойную награду за свою смелость, - резюмировал он.

Рыцарь продолжал что-то говорить, но я уже плохо слышала, потому что бежала к Роме. Хорошо различила только восхищенное:

- Ну какая красивая! Как с иконы!

Я влетела в дом, в котором к этому моменту уже стало тихо. Внутри все было со вкусом обставлено и в хорошем смысле не совсем современно, отчего и создавался уют: вязаная светлая скатерть на круглом обеденном столе, старый трельяж, огромный книжный запыленный шкаф, на стенах – старые черно-белые фотографии молодых юношей и девушек с очень красивыми и несовременными лицами. Посреди комнаты на стуле сидела старенькая бабушка, а Рома ставил фотоаппарат на штатив – настраивал на видеосъемку.

- Августа Ивановна, нам нужно снять видео, на котором вы говорите, что у вас забрали внучку и что вы хотите ее вернуть, хорошо?

- Хорошо, милый, хорошо, все сделаю.

Из соседней комнаты донесся суровый мужской голос:

- А не надо ничего делать! Считают, что мы алкаши – и пожалуйста, пусть забирают. Пускай государство само и воспитывает, раз все такие умные.

У бабушки на глаза навернулись слезы.

- Не обращайтесь внимания, это он от обиды, от обиды. У нас ведь, когда приехали за Верочкой, такой беспорядок как назло был, я в отъезде была... И бутылки нашли. Так ведь друзья Витины приезжали, вот они и повеселились немного. Ну, перебрали – с кем не бывает? А Верочку он не бьет никогда, нет-нет, вы что, не приведи Господь. Это все мать ейная, Нинка. Хочет у нас ее отнять, чтобы пособие получать, и проливает со спокойной душой.

У Ромы уже работала камера, и он сделал мне знак – мол, задавай вопросы.

- А сейчас ваша внучка где? – от неожиданности я спросила очевидное.

- Органы опеки забрали до выяснения обстоятельств, - бабушка не выдерживает и начинает жалобно плакать. – Они нас обвиняют якобы в том, что мы ее бьем. А она за день до этого с качели упала во дворе. И синяк один был. Нинка это узнала – она вооон недалёко тут живет, постоянно как змея рядом ползает – и специально натравила их... Видели бы вы, как Верочка плакала, когда ее увозили, сердце разрывалось. Ну разве будет так ребенок плакать, если ему в семье плохо?

- Где, вы говорите, она живет? – заинтересованно спросил Рома. – Нам к ней тоже надо будет зайти.

Августа Ивановна подошла к окну и указала на деревянный покосившийся дом, который больше был похож на сарай.

- Вон та хибара. Даже ээка стыдно туда привести, не то что дитё, - заговорщически прошептала она Роме.

- Мы скоро вернемся. Виктор Петрович, вы готовы ехать?

- Готов, - недовольно прокричал мужчина.

Мы с Ромой вышли на улицу и пошли к соседнему дому.

- Получается, все наоборот? Не отец пьет, а мать? – уточнил он.

- Получается.

- Тогда надо снять незаметно, как ОНА пьет. Я просто не понял, про кого Лёва сказал...Думал, про бабу. Лёва видел ее синхрон в новостном сюжете - мол, она завязала. Но бывших алкашей, как и бывших любовников, не бывает.

- Как это не бывает бывших любовников? – зачем-то переспросила я.

Рома промолчал, не желая, видимо, делиться чем-то очень интересным.

Мы громко постучались в запертые двери, но нам никто не открыл. Мимо проходили те самые пьющие интеллигенты и остановились, рассматривая нас как хомячков в клетке.

- Ты смотри, она уже нашла себе мужа, - сказал один другому.

- Даже несмотря на то, что я ее щеку опорочил, - ответил другой.

Рома недоуменно посмотрел на меня, но как тут объяснишь. Поэтому я просто пожала плечами.

- Ни-и-инка! – закричали интеллигенты на всю деревню. – Ни-и-инка, не открывай, враги идут!

Рома шикнул на них, как на слишком громко играющих в песочнице детей. Заспанная женщина выглянула в окно. Сначала мне показалось, что она болеет, но потом я поняла, что эта болезнь называется «алкоголизм обыкновенный».

- Че надо? – прохрипела она.

- Поговорить, - ответил Рома.

- Ну заходите, - благосклонно сказала женщина, открыла настежь окно и ушла вглубь дома.

- Она что, нас через окно приглашает? – уточнил Рома.

Он, очевидно, очень любил уточнять.

- Через окно, - ответила я. – Полезай. Откроешь мне потом дверь.

И он полез. Когда Рома оказался в доме, он протянул мне руку:

- Входная дверь вся завалена хламом, ее не открыть.

И я – в платье и босоножках – стала карабкаться, вспоминая добрым словом Ваню, благодаря которому я стажируюсь на политической программе и почему-то залезаю в окна к деревенским алкаголикам. Внутри было темно и, честно говоря, страшно. Комнаты были разделены засаленным куском ткани – за ней Нина громыкала бутылками, не обращая на нас никакого внимания.

- Стой возле окна, - прошептал Рома, а сам пошел на звук.

Внезапно женщина вышла к нам и истошно заорала:

- Не подходи!

Тонем, каким разговаривают с умалишенными, Рома сказал:

- Нам надо всего лишь взять у вас интервью по поводу вашей дочки. Вы скажете, что хотите ее оставить себе, и все.

- Знаю, я кто вы! Сейчас опозорите меня на всю страну, а я нормальная, понятно?! – женщина вытащила зажигалку и стала размахивать ею как рапирой.

- Хорошо, хорошо, успокойтесь.

Но женщина так сильно жестикулировала, что в какой-то момент огонь достал до ткани, служившей дверью между комнатами.

- Осторожнее! – завопила я, но было уже поздно. Ткань загорелась.

Женщина этого даже не заметила и продолжала махать зажигалкой перед носом Ромы, а тот юркнул за горящую ткань в надежде, что там кухня, и есть вода. Но воды, конечно, не было. Я стала

вызывать пожарных, огонь разгорался все ярче, Рома пытался его потушить какими-то тряпками, а Нина бегала по дому в поисках документов и денег...

Когда-то на лекциях по этической ответственности журналиста нам задали вопрос: «Если на ваших глазах произойдет авария, вы станете помогать людям или будете снимать, как настоящий журналист?» Тогда я не смогла ответить однозначно, что важнее, и вот сейчас, несколько лет спустя, у меня в руках был телефон, но я даже не подумала о том, что пожар нужно снять на видео. Это означает, что я – никудышный журналист.

- Ну как, как так можно?! – продюсер программы рвал на себе волосы во время летучки перед эфиром.

Все редакторы сидели тихо, опустив головы и сгорбившись, напоминая школьников, которых отчитывает директор за плохое поведение. Одна я не чувствовала за собой никакой вины – не потому, что я стажер, а потому, что ничего страшного, по моему мнению, не случилось.

- Рома, ты ехал в эту деревню, чтобы привезти мужика на эфир и записать видео с его матерью, которая старая и приехать в студию не сможет, верно?

- Да.

- И тут ты узнаешь, что алкаши, скорее всего, не они, а мамаша, которая натравила на них органы опеки, верно?

- Да.

- И тут у этой мамашы, которая в дупель пьяная – хотя она говорит, что ведет праведную жизнь – начинается пожар, потому что она в неадеквате и боится журналистов, которые снимут весь этот ужас и покажут на всю страну, верно?

- Да.

- Так какого черта ты не снял все это?! Что мне теперь из аппаратуры выдавать на БЗ?!

«БЗ» – это видео, которое идет без звука, пока ведущий программы говорит – в доказательство его слов.

- Если вы не понимаете того, что делаете, будет катастрофа. Меня сначала увезут с инсультом, потом шефов бригад с побоями. Побои можете не снимать – меня любой суд оправдает. Хорошая программа получается только тогда, когда у редактора за кадром остается в тысячу раз больше, чем он выдал в эфир. Это должна быть верхушка огромного айсберга. А вы демонстрируете удивительную, удивительную неспособность подготовить материал.

Тут уже я съезжилась – под таким напором невозможно считать, что ты поступил правильно, начинаешь сомневаться в себе и думать, не дурак ли ты. Сергей не останавливался:

- Отдел экспертов! Я все понимаю, вы там у себя совершаете подвиги, находите людей из этих дурацких историй, которые мы вынуждены освещать, пока социальные программы блаженно отдыхают. Но! Как же вам объяснить... Когда ты выскакиваешь из окопа, срываешь чеку с гранаты и бежишь на танк, смысл твоего поступка, чтобы получить звезду героя – все-таки подорвать себя с этим танком. То есть споткнуться, упасть и взорваться где-то одному, не добежав до танка – бессмысленно. Вот вы все взрываетесь, не добежав до танка.

- Но мы бежим, - попытался отшутиться Лёва.

- Да, вы бежите. Спотыкаетесь и взрываетесь где-то рядом. Можно взрываться под танком, нет?

- Да, конечно, мы стараемся, - еле сдерживая неуместную улыбку, ответил Лёва.

После летучки я подошла к Лёве и, поскольку мне очень хотелось быть полезной, предложила:

- Давай я позвоню Августе Ивановне. Там много зевак было, кто-то – я точно помню – снимал на телефон, можно попросить прислать, у нас еще целый час до эфира.

- Да, пробуй! - обрадовался он. – Это единственное, что нас спасет.

После эфира Лёва подошел ко мне, положил руку на плечо и спросил, жива ли я.

- Жива, но хочется выпить.

Лёва достал из шкафа бутылку вина, налил мне, Роме и себе и сказал:

- Ты устроилась на классную работу: здесь можно пить, курить и ругаться матом. Тебя взяли.

В моих глазах, видимо, было разочарование, потому что Лёва сказал:

- Да-да, ты попала. Но ты большой молодец, быстро сориентировалась. Спасибо за эти БЗ! Весь эфир на них простояли. Не бойся, Рома вон тебе всегда поможет, да, Рома?

Роме явно было невесело.

- Ладно, собирайтесь домой, завтра оба отдыхайте. Ну, ты, Рома, на телефоне, - распорядился Лева и ушел.

Я стала собирать вещи и поняла, что забыла ключи от дома. Рома, заметив, как усиленно я перерываю свою сумку, поинтересовался:

- Что-то ищешь?

- Ключи от дома забыла или потеряла... А у меня сегодня никто, как назло, домой не приедет ночевать.

- Ну, поехали ко мне, - предложил Рома.

Я, видимо, как-то двусмысленно на него посмотрела, потому что он добавил:

- Да я с мамой живу, не переживай.

- Теперь я переживаю еще больше, - сказала я, но согласилась. Перспектива спать в Останкино меня не радовала.

Рома позвонил маме и предупредил, что приедет домой не один. Его мама Татьяна оказалась еще молодой, красивой женщиной и, к сожалению, очень гостеприимной.

- Анечка! Как я рада! Проходите, проходите, - она провела меня на кухню, где был накрыт стол. – Давайте ужинать.

- Уже поздно... - нерешительно сказала я.

- Лучше поздно, чем никогда! – невпопад ответила Татьяна.

Мы сели за стол.

- Ой, что мы как на партсобрании, давайте откроем вина. Рома, оно там, - Татьяна махнула на шкаф. – Анечка, какое вы предпочитаете? Красное, белое? Или, может быть, шампанского?

Я бы предпочла исчезнуть, потому что этот спонтанный праздник был каким-то неестественным, но вслух сказала: «Белое, наверное».

- Ну, давайте за знакомство, - Татьяна подняла свой бокал вверх.

Мы с Ромой последовали ее примеру.

- Анечка, вы вместе с Ромой работаете, да?

- Да.

- А живете где? С семьей или снимаете?

- Снимаю квартиру с друзьями. Родители в другом городе.

- Какая молодец!

Мы снова выпили. Меня удивляло, что Рома рядом с мамой молчит как рыба. Мне хотелось, чтобы он разрядил обстановку, но ему, видимо, все нравилось.

- Я вот тоже в свое время приехала в Москву и крутилась, крутилась... Тоже, как вы, круглосуточно

работала. Рома написал мне про ваши приключения, - она подмигнула сыну. - Устали, наверное, да?

- Нормально.

Часы пробили половину десятого.

- Поздно уже... - мне хотелось поскорее закончить этот радушный прием.

- Да, конечно. Не буду мешать, сейчас все уберу и уйду.

- Куда? – удивилась я.

- В соседнюю квартиру.

- Зачем?

- Ну как, спать лягу.

- У соседей?!

Татьяна засмеялась.

- А вам Рома не сказал? В соседней квартире наша бабушка живет, и я с ней. Рома один тут всем заправляет. Я так, на подхвате иногда. Вот чтобы с вами, например, познакомиться.

Муха, попавшая в паутину, и то меньше удивляется, чем я в ту минуту. Татьяна ушла, оставив нас вдвоем. Мне стало интересно, что будет дальше, поэтому я не торопилась сразу уходить в свою комнату. Но Рома молчал как партизан. Мне ничего не оставалось, как сказать:

- Я спать.

- Иди, - ответил он.

И я ушла в комнату, в которой Татьяна все для меня заранее застелила, и мгновенно провалилась в сон.

Утром меня разбудил звонок Иры.

- Анька, не строй никаких планов на сегодняшний вечер – мне удалось заполучить приглашения на «ТЭФИ»! Все звезды там будут – Ургант, Нагиев, Познер, Малахов... И мы с тобой! – Иру распирало от предвкушения.

- У меня сегодня выходной, меня не будет в телецентре.

Ире слишком сильно нравилась складывающаяся на вечер компания в лице Урганта, Нагиева, Познера, Малахова и нас с ней, поэтому слушать она не стала:

- Еще лучше! У меня тоже выходной, скоро приеду домой! Спокойно соберемся и поедем. Пофоткаемся со всеми! Я с Ургантом хочу, а ты? В общем, это будет сногшибательно!

Ну, раз сногшибательно, то зачем сопротивляться. В конце концов, в моей жизни не так уж много бывает сногшибательных вечеров.

Я встала, вышла на кухню и увидела, что бабушка Ромы жарит сырники к завтраку. Есть такие семьи, которые хотят женить своего тридцатилетнего холостяка на ком попало – маме и бабушке Ромы попалась я.

- Аня, вы уже проснулись, доброе утро! Галина Кирилловна я, - бабушка так нежно обняла меня, что на мгновение я позавидовала Роме. У него рядом семья, а у меня – никого. И тут мне захотелось в него влюбиться... Так бывает – когда семья мужчины нравится больше, чем сам мужчина.

Мы пообщались с бабушкой немного, и я позорно убежала. Потому что было слишком гостеприимно и уютно, я боялась захотеть вернуться.

Мне всегда немного грустно на праздниках, поэтому я держусь обособленно, не навязывая свою компанию. Иногда эту мою черту характера люди принимают за высокомерие, а на самом деле это простая стеснительность и, наверное, неуверенность в себе. На фуршете «ТЭФИ» я тоже думала о своем, слушая восхищения Иры по поводу церемонии. Потом она вспомнила, что вчера у меня был

первый рабочий день, и спросила, понравилось ли мне. Я рассказала обо всем, и единственное, что на нее произвело впечатление, это Рома.

- Если мужчина привел к себе в дом женщину, это что-то значит!

- Он меня еще и с мамой познакомил, это вообще шаг серьезный.

- Ну правда! Если бы не нравилась, не предложил бы приютить... Ох, Анька, кто бы меня приютил, а! – вздохнула Ира.

- Зачем тебе приют? Ты что, дворовой кот?

- Хуже! Я женщина без мужчины.

- Действительно, скверное положение.

- А тебе Рома понравился? – Ира очень любит разговоры по душам. В моем понимании разговоры по душам другие, но я знала, что тема про отсутствие любви – ее слабость. Про отсутствие любви у нас обеих.

- Да нет, наверное... Он безответственный.

- Ну, перевоспитаешь!

- Я не учительница, чтобы воспитывать. А если и захочу кого-нибудь воспитывать, то лучше заведу собаку.

Ира разочарованно вздохнула, и тут к нам подошел высокий, статный, я бы даже сказала сногшибательный мужчина.

- Ну что, девчат, на охоте? – спросил он.

- А вы что, из КВН? – беззлобно ответила Ира.

Мужчина, видимо, подумал, что с ним хотят продолжать разговор. Эта черта характера меня, кстати, очень раздражает в моей общительной подруге. Она всегда со всеми доброжелательна. И людям кажется, что они нравятся Ире, а на самом деле она просто не может быть искренней, и это ее беда. Это притягивает к ней тех мужчин, которым дают от ворот поворот девушки, не заботящиеся о чувствах других.

- А вы смешные! Как вас зовут?

- Я Ира, - улыбнулась подруга. Чем сильнее ее раздражал мужчина, тем доброжелательнее она становилась.

Четыре глаза уставились на меня. Я не хотела никакого общения с этим «на охоте», и поэтому у меня язык будто онемел – не хочет произносить ни слова, и все тут.

- Это моя подруга Аня, - затараторила Ира. Она часто берет на себя все действия, предназначенные по правилам этикета, которые я игнорирую – иначе ей будет за меня стыдно.

- А я Вадим, режиссер федерального канала. Не скажу, какого, чтобы не смущать вас... Ну что, девчат, расскажите, кого высматриваете? За кем пришли? На кого охота? – Вадим улыбнулся во все свои 32 ровных зуба, которые лично мне захотелось ему выбить тут же.

- Ни на кого, - миролюбиво ответила Ира.

- Да ладно вам, все пришли сюда за одним, и не скрывают этого.

- Мы пришли сюда, чтобы посмотреть церемонию, - Ира затравленно посмотрела на меня, рассчитывая на помощь. Я отвернулась.

Вадим засмеялся. Мне кажется, похоже смеется сатана, когда ему говорят, что не всякий человек поддастся его искушениям.

- Все девушки в Москве мечтают выйти замуж, разве нет? – очевидно, мужчина был серьезно настроен на философский разговор. Почему только он сузил проблематику до границ Москвы, мне было не очень понятно, но уточнять я не стала.

- Нет, не все.

- Ну перестаньте притворяться, я же вижу, какие девушки... - Вадим усиленно подбирал слово, - алчные. Вы же обольстительные хищницы. Вам только и нужно, чтобы выскочить замуж за того, кто с квартирой, а потом жить припеваючи.

Чтобы отвлечься от хищнического желания перегрызть ему горло, я задумалась о странности словосочетания «выскочить замуж». Выскочить можно из окна или из-за куста... В конце концов, умная мысль может выскочить из головы. Но чтобы замуж...

- А что нужно вам? – миролюбиво спросила Ира, с которой невозможно поругаться.

- А я ищу любовь!

- Девушки тоже.

- Девушки ищут тепленькое местечко. Вам нужен только тот, кто зарабатывает, у кого своя квартира. Вон посмотрите, - Вадим махнул рукой в зал, - все девушки только и пытаются, что подцепить мужика. Вон-вон, видите, эти двое уже уходят.

Вадим показал на пожилого мужчину, который недвусмысленно обнимал молоденькую девушку модельной внешности. Они направлялись к выходу.

Мне надоело слушать эти рассуждения, поэтому я хотела было шепнуть Ире, что пора ретироваться, как увидела, что к нашему столику приближается седой, потный, обрюзгший, пьяный мужчина. Если бы мы были не на «ТЭФИ», а на улице, я бы подумала, что это обычный алкоголик. Причем, намного менее интеллигентный, чем те двое в деревне. Он горячо поздоровался с Вадимом и, окинув нас замутненным взглядом, гаркнул на весь фуршетный зал:

- Ты у них прописку проверил?

Все с осуждением посмотрели на нас с Ирой. Так смотрят на нашкодивших котят – мол, не стыдно? Вадиму на мгновение стало неловко, и он промямлил:

- Владимир Петрович, они нормальные девчонки...

- Еще раз спрашиваю: ты у них прописку проверил? – проорал он, словно в рупор.

Очень жаль, что мы не успели уйти. Я выплеснула стакан воды в его противную физиономию. Ира посмотрела на меня с таким ужасом, что я поняла – больше она меня с собой «в свет» никогда не возьмет.

Удирали мы очень быстро, потому что Владимир Петрович озверел и, пытаясь схватить меня за шварник, кричал: «С*ка! Да ты хоть знаешь, кто я?» Когда мы пробежали мимо Урганта, Ира замедлилась было на мгновение, но потом оценила ситуацию и поняла, что сфотографируется с ним в другой раз.

Мы добежали до первого этажа и поняли, что за нами уже никакой погони нет. И тут я увидела нашего продюсера Сергея. Не знаю, то ли из-за таких людей на церемонии, то ли из-за сегодняшней летучки, то ли еще по какой-то причине, но я решила, что на этой программе мне не место.

- Подожди меня, пожалуйста, на улице, - попросила я Иру и пошла к Сергею.

- Сергей, здравствуйте. Здесь, наверное, не очень удобно... Но я хочу сказать, что не подхожу для этой работы.

Он очень удивился.

- Почему ты так считаешь?

- Нет у меня того, что должно быть у журналиста. Ни политика, ни социальные истории мне не интересны. Если бы я была продюсером, я бы не хотела, чтобы у меня работали редакторы, которым все равно.

Он помолчал, потом ответил:

- Зато честно. Знаешь, в чем секрет моей карьеры? Мне до всего есть дело. Поэтому – да, работать нужно там, где тебе любопытно и интересно, а иначе и руководству от тебя толку ноль, и ты сама не будешь ощущать никакого вкуса к жизни. Удачи тебе!

Я вышла из Останкино на улицу с полным ощущением того, что совершила главную ошибку в своей жизни. Мы с Ирой сели на ступеньки и молча смотрели на известных ведущих, продюсеров, актеров, которые топтали красную дорожку, улыбались, обнимались и фотографировались. Это был мир, в котором нам нет места.

Подошел Лёва и сел рядом с нами. В классическом костюме он – высокий, суровый – еще больше похож был на Льва, а не на Лёву. Я представила ребят друг другу, и мы замолчали.

- Кстати, вот, нашел в редакции, - он достал из кармана мои ключи от дома.

- Ого! Где? Я же все перерыла.

- Это я их забрал у тебя со стола. Рома попросил. Он хороший парень, мы с универа дружим, - Лёва поднялся и похлопал меня по плечу. – Давай, думаю, еще повидаемся.

И он ушел в толпу красивых и счастливых людей. Людей, которые состоялись, знали себе цену, были уверены в завтрашнем дне. Среди них было много успешных женщин, которыми так восхищается мой Ваня. Правда, женился Ваня на совершенно другой девушке, которой карьера до лампочки. Она сидит дома, готовит еду и время от времени смотрит по телевизору политические программы.

Марина Галева

Победитель литературного конкурса «Та ещё драма», который проводился на сайте Литры в мае 2021 года.

ВТОРОЙ ВЫПУСК

Литературный конкурс

ТА ЕЩЕ ДРАМА

ЛУЧШИЕ РАБОТЫ
БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ
В АЛЬМАНАХЕ

На конкурс принимаются рассказы объемом
не более 5000 знаков

Текст конкурсной заявки не должен противоречить
законодательству РФ

Количество заявок от одного автора - не более трех

Полные условия конкурса на сайте litra.online

Виктория Щепановская

Про поэтов и людей

Поэт и муза

Быстро, четко
От словоформы к рифмоплетству
Среди ночи вскочил с кровати,
Мозговым штурмом разбуженный,
Своей музой обезоруженный,
Три дня как простуженный.
Она - обижена и загружена.
Взял ручку - злится.
Откинул мыслей посторонних вереницу,
Муза, прости, нам нужно объясниться...
Был прерван прошлый диалог,
Моя вина?
С тобой не спорю,
Но знай, что не по доброй воле
Твои сигналы заглушал.
Нет ценности строкам поэта,
В бетоне стен писульки эти
Пылятся серым кирпичом.
- Снова стихи? Непопулярно!
Вам объясняешь регулярно, а вы...
Не привыкать, опять впустую!
Тетрадь кидаю, будто пулю холостую,
В луже-проруби на краю пропасти
Глотаю сырость с огрызком гордости,
В пальто-коконе с шагом-топотом
Музу выругал полушепотом,
Только что потом?!
Я - три дня как простуженный,
И муза - обижена незаслуженно.

05.02.2020

Поэт и критик

Поэт идет к сцене,
 Перебирает в голове обрывки стихосложений.
 Лучше те, что без мата.
 Их оценят не только для самиздата.
 Мужчина в пальто - главный критик.
 Часом раньше он выпил.
 Немного пива и уже почти аналитик,
 Философ, пророк и немного бог.
 Он готов, а поэт никогда не готов!
 Сколько строк? Что за тема?
 Можно ли читать о Системе?
 Или лучше о планах, о целях,
 И, конечно же, о любви...
 Жаль, что нет алкоголя в крови.
 Или ружья как у Короля и Шута.
 Жаль, нет ружья...
 Поэт напевает тихонько мотив,
 Но быстро притих,
 Вдруг критик услышит.
 Тишина гробовая,
 Слышно, как критик дышит.
 Наш судья-полубог очень строг,
 Он всегда держит рот на замок,
 Пока чтение идет.
 Только чтец все никак не начнет.
 Критик ждет.
 Я - ПОЭТ!
 Наконец-то стою на сцене!
 Я готов бороться с Системой!
 Я...
 Луч прожектора - прямо в лицо,
 Критик нервно скинул пальто,
 Забываются строки без мата.
 Ну и пусть!
 Все оставлю для самиздата!

05.02.2020

Поэт и слушатель-зритель

Но вот Она!
Четвертый столик у окна.
В заказе лирика со смыслом,
Зеленый чай с дзен-реализмом.
С плеча бежит волос волна -
Поэту рифма отдана.
Отводит взгляд меланхолично
И снова путается в личном,
Она как лампа включена -
И света комната полна,
Ее поддержка так важна,
Спасибо, что пришла!

06.02.2020

VLADMIR

С волками жить

Мой сосед по площадке отсидевший в общей сложности лет двадцать, большой любитель рассказывать разные байки из своей жизни за кружкой пива. Раз позвал он меня глянуть его стиральную машину. Забарахлила что-то. Ремонт стиралки для меня не проблема и пока я ремонтировал, Сергеич пропустил пару стопок водочки, крикнул и закусил солёным огурчиком.

— Присоединяйся и навёрстывай упущенное, — сказал он. — Меня сегодня потянуло на воспоминания, ты готов слушать?

— Сергеич, да под такую закуску и водочку, хоть до утра.

— Ну, слушай и сам решай правда это или трёп.

Я всегда с интересом слушал его байки.

Сергеич, подперев кулаком голову, начал свою повесть.

После лесосеки в бараке просто Ташкент, пока топят печки — тепло, к утру всегда колотун, надо успеть просушить одежду. Только в бараках на зоне стоит такой густой смрад от табака, мокрых портянок и невымытых тел зёвок. Не успел я раздеться, —позвали к Пахану.

— Через две недели приходит новый этап. В этапе идёт человек, чтобы тебя завалить. Перейдёшь в бригаду к Бурому, у него делянка самая дальняя в тайге. Поработаешь там, а через неделю свалишь.

— Спасибо.

— Если выживешь, скажешь спасибо Мустафе и передашь от меня привет.

Тут Сергеич закурил и, прищурившись, продолжил воспоминания.

С Мустафой мы жили в одном дворе. Играли в детстве, вместе ходили в школу, но потом наши дороги разошлись: я занялся бизнесом, он авторитет или, может, вор в законе. Мустафой

он стал ещё в детстве, это была кликуха. А на самом деле Мустин Фёдор, кто-то тогда придумал сокращать и получилось Муст а Фа.

Ну что же, если выживу и рассчитаюсь с теми кто подставил меня, только это и помогло выжить...

И я свалил. Вышел на старую просеку и только тогда, оглянувшись, увидел волка. Холодок пробежал по спине: волки одни не ходят, значит, где-то другие, стая. С одним ножом против стаи не поспрёшь.

Стал чаще оглядываться. Волк не отставал, но и не приближался. Начал колотить озноб, пробило страх: вот она, смерть, идёт по пятам. Ноги стали ватными, засуетился бежать, но вовремя взял себя в руки. От волков не убежишь, тем более зимой. Звери будут гнать тебя, пока ты не выдохнешься и не упадёшь. На дерево — тоже не вариант, стая будет приходить и уходить, а под ним будут дежурить два или три волка. Заснул на дереве, если в такой мороз можно сидеть на дереве без движения, и свалился. Пока оставшиеся будут тебя выматывать, подоспеет стая и всё — хана. Волк трусил потихонечку метрах в тридцати от меня. Если он один и бросится — есть шанс отбиться. Я чувствовал, что начал уставать. Третий день по тайге, по сугробам, и ещё мороз — не всякий выдержит такой темп. А уходить надо как можно дальше. Повезло, что вышел на старую просеку, немножко полегче, и ещё подспорье — идёт сильный снег, скрывает следы. Но волк... Откуда он мог выйти на меня и как сегодня ночевать?

Спать приходилось под поваленными деревьями с вывороченными корнями. Там много трухи, опавших листьев и нет снега. Как медведь в берлоге! пророешь дыру в снегу, а потом этот лаз закрываешь нарубленными лапника-веток ёлки или пихты. Не курорт, но спать можно. Хуже с едой, сухарей осталось мало, экономлю,

и на самый крайняк — шесть карамелек.

Надо передохнуть и что-то решить, опёрся спиной о сосну, смотрю на волка. Да он хромает и почти не наступает на правую переднюю лапу, вот оно что! Ты тоже изгой, такой же, как я, ушёл из стаи. Разгрыз сухарь, жую долго, стараясь быстро не проглатывать, чтоб как-то заглушить голод.

Пошёл дальше. Почти из-под ног выскочил заяц. Инстинктивно выбросил нож, годами отработанные навыки пригодились. Вот это удача, если бы каждый день так! Быстро разделал зайца. Тёплая кровь, печёнка, кусочек ещё тёплого мяса, пора остановиться. Желудок после такой диеты — неделя на сухарях может и не принять столь щедрый дар... Так увлёкся, что забыл о волке. А он напомнил о себе злобным рычанием.

Волк был от меня метрах в десяти и приближался, показывая все свои зубы. Ещё два или три метра — и он прыгнет, голод доведёт и волка до отчаянья. Запах крови перебил всю его осторожность. Не раздумывая я бросил остатки зайца волку. Пока я вытирал руки снегом, волк просто проглотил тушку. Пройдя немного вперёд, я оглянулся, волк вылизывал снег, пропитанный кровью. Теперь мы оба сыты и ему не нужно нападать на меня — я шёл, уверенный в этом. Пора искать ночлег, темнеет в лесу быстро, а снег идёт и идёт, это хорошо. Очередное поваленное дерево нашлось, когда я уже совсем устал тело требовало отдыха. Веток нарубил больше, чем в прошлый раз, надо хорошенько завалить лаз в мою берлогу. После такого ужина невероятно тянуло в сон. Если волк и решиться напасть, когда я буду спать, ему надо будет пролезть через колючие ветки, а разрыть снег с большой лапой он не сможет, я проснусь и прикончу его.

Ночью приснился сон: я с друзьями в ресторане, все наши, и было весело, вдруг врываются менты, заламывают руки, надевают наручники, выволакивают на улицу и бросают в снег. А на улице идёт сильный снегопад, в двух метрах ничего не видно, и ко мне, к самому моему лицу ползёт волк.

Проснулся, в берлоге темно, вспоминаю сон, руки дрожат неприятные воспоминания. Всё так и было, только забирали меня из ресторана летом, а не зимой, и при чём тут волк? Часов нет, но, думаю, около восьми утра. Пока вылез, за шиворот попал снег, очень неприятно и к тому

же холодно. С каждым днём одежда набирает сырость, становится тяжелей и уже плохо сохраняет тепло. Согреваюсь только при ходьбе, иногда проваливаюсь в сугробы, пока выберешься — взмокнешь. В натуре развести бы костёр и всё просушить, но как развести огонь, если тебя ищут? Правильно меня научил старый зэк со стажем «Прыщ»: идти надо не к железке, идти надо на север в тундру. Там искать не будут, кто же в здравом уме пойдёт в тундру, это же самоубийство, притом зимой. Выиграешь больше время, зато если повезёт найти чукчей, они спрячут. До весны откормишься, наберёшься сил и гуляй — свобода, в тундре тебя уже никто искать не станет.

Занятый воспоминаниями, не заметил, как волк подбежал и встал поперёк дороги, посмотрел на меня и повернул морду вперёд. Сначала я не понял, что это значит, и остановился: может, облава? На просеке мелькнуло что-то рыжее — лиса, она двигалась в нашу сторону. Я спрятался за дерево, приготовил нож, волк тоже затаился. Бросок, нож проткнул лису насквозь, но сколько силы в звере. Лиса убежала, я понял, что мне её не догнать и нож пропал, где её найдёшь в лесу. И тут я услышал визг и рычание. Визжала лиса, а рычал волк, пока я подошёл, он прикончил

нашу добычу. Стал подходить, волк оскандился и зарычал, всё правильно, кто сильнее, у того и власть. Стоял, не зная, что предпринять. Волк мёртвой хваткой вцепился в горло лисице. Смотрю ему в глаза, там только звериная злоба, делаю попытку приблизиться — рычит, мол, не походи, моя добыча. Не двигаюсь. А какой у меня выбор? С ножом я бы ещё рискнул, а без ножа дохлый номер. Сколько времени прошло, не знаю, в голове сумбур и ни одной здоровой мысли. Вдруг волк оставляет лису, отходит метров на пять и отворачивается от меня. В голове не укладывается — он уступает мне добычу! Быстро разделяю тушку и кидаю часть волку. Того долго упрашивать не надо, приступаем к пиршеству. Зверь с хрустом расправляется со своей порцией, я ем то, что оставил себе.

Сам думаю: «Кому расскажи, что волк помогает мне, никто не поверит!»

Чувствую, как усиливается мороз, пробирает до костей. Валит с ног усталость, вторая неделя на исходе... Куда иду и сколько ещё смогу пройти, не знаю. Волк теперь всё время ковыляет рядом. Одна мысль: отлежаться, отдохнуть,

каждая клеточка тела требует передышки. Вечером, укладываясь спать, начал закладывать лаз ветками. Вдруг сквозь хвою протиснулась волчья морда. Я просто опешил от такой наглости, и конечно же, стало не по себе, шутка ли, дикий зверь всё-таки! А серый посмотрел и отвернул морду, как бы говоря: «Да я ничего, я просто так». Делать нечего — собрался с духом, взял его за шиворот и втащил в нору, будь что будет, вместе теплей... Видимо, он почуял непогоду. Ну и воняла же псиной эта тварь, но и от меня запахок ещё тот, деваться некуда. Ночью действительно разыгралась лютая метель.

Прошла ночь, начался день, выюга не утихла, зверь и не думал покидать наше лежбище. И я тоже отсыпался и отдыхал. С волком действительно было теплей, и, если начинал замерзать, обхватывал его, прижимал к себе и быстро согревался. Не сразу я понял, что это за бородавки на животе волка, выходит мой волк — волчица?

Теперь я доверял ей, она доверяла мне, и я рискнул осмотреть её лапу. Между пальцами в лапе была проволока — колючка, как на тюремных ограждениях. Как она железяку вогнала, не представляю? Проволока засела глубоко, волчице, наверно, было очень больно. Попытался вытащить от боли по серой шкуре пробегала дрожь и она скалила зубы. Из лапы вышло много гноя, чтобы снять боль и промыть рану, прикладывал снег. Потом волчица постоянно зализывала

больную лапу. Удивительно, пока я с ней возился, она несколько раз лизала мне руки, как бы благодаря за помощь.

Какой день иду, уже не знаю — сбился со счета. Вышел на примыкавшую к просеке дороге метров пятидесяти, она выходила на елань. Присмотрелся, вроде заимка на поляне и никаких следов людей или машин. Строение сделано из толстых брёвен, окон невидно, может, занесло. Откопал из-под снега маленькую дверь. Внутри небольшой топчан. Половину маленькой избушки занимает очаг. Глаза привыкли к полумраку, на топчане ворох тряпья. Интересно, что там?

Ого! Всякое бывает, но вот труп человека: жуткая находка. Видимо, охотник: ружьё, рюкзак, пустой патронташ, широкие лыжи в углу, с голодухи обессилил и замёрз. Извини, брат, но нам с тобой в одной хате не фарт... Выволок,

разгрёб снег руками и схоронил, как мог. Управившись с трупом, навёл порядок, проверил рюкзак. Да, жратвы никакой. Нашёл зажигалку, маленький топорик и отличный охотничий нож. И ещё одна удача — документы охотника: паспорт и охотничий билет.

А мужичок-то был всего на три года старше меня.

Конечно, как всегда не вовремя пришла жена Сергеича и разогнала нас. Неделю мы не встречались, а меня почему-то зацепила его байка. Хотелось продолжения. Встретились в магазине:

— Заходи вечером, моя уехала к сестре, посидим, поговорим.

— Заскочу конечно.

На столе грибочки, солёные огурчики и варёная картошечка. Водку теперь принёс я. Первая, потом вторая, и меня немного разобрало.

— Сергеич, а чем тогда закончилась та история, — не выдержал я.

— Заинтересовало, ну слушай, ты хорошо умеешь слушать, только наливать не забывай.

И он продолжил.

— Хорошо было в той избушке: тепло и есть возможность просушить одежду. В дверь пролезла волчица, принесла зайца и положила около меня. Умная зверюга, понимает, что вдвоём лучше. За три дня отлежался, высушил одежду, пригодилось кое-что из шмотья бедолаги, спасибо тебе, мил человек. Волчица редко входила в избу, ей видать, не нравился запах дыма. Охотилась по мере сил и регулярно приносила добычу. Звучит, конечно, как сказка, но так оно и было! Её лапа быстро заживала, и волчица стала даже приглашать поиграть с ней, когда я выходил. Начинили мы по-разному, она меня хватала за ватник и резкими рывками пыталась свалить, или догоняла, когда я убегал, прыгала на мою спину. В прыжке своей массой сваливала в снег. Волки быстро учатся, наши игры прекращались, когда я выдыхался, и волчица, повалив меня, прижимала на снегу своим телом. С каждым днём у неё это получалось быстрее и лучше.

Пора двигаться дальше. Если не найдём людей — можно вернуться сюда. Широкие лыжи облегчают движение, идти легче быстрее и мень-

ше устаёшь. Тайга редееет, показался заснеженный простор. Дух захватывает от этой белизны и тишины, только снег скрипит под лыжами.

— Ищи людей! — приказываю волчице.

У волков отличное обоняние, они чувствуют добычу за два-три километра. Приноживается, водить мордой из стороны в сторону. Пробежалась туда-сюда, повернулась и подошла ко мне. Ясно, вернёмся и подождём.

Ещё один день прошёл. Волчица скребётся в дверь, вызывая наружу. За полчаса игры с ней взмок, ни одной сухой ниточки, сильная зверога, никаких компромиссов, если я начинал халтурить, рычала и покусывала конкретно. Заставляла бороться в полную силу без поблажек.

На следующий день утром умываюсь снегом, из леса вылетела моя серая красавица. Подскочив ко мне, ухватила за ватник и потянула за собой. Быстро собрался, она убегает вперёд, остановившись, поджидает и бежит дальше, что-то почуяла наверняка. Тайга осталась позади, её уже и не видно, куда ведёт зверь, сколько ещё будет длиться эта бешеная гонка? Вокруг сколько хватает глаз до горизонта белая снежная пустыня. В распадке три яранги и олени. Нас первыми почуяли собаки и залились громким лаем. Из жилища вышел человек, в руках ружьё, смотрит на нас.

— Не стреляйте!

Собаки просто остервенели, мужик прикрикнул на собак, но они не унимались вперёд вышел, видимо, вожак собак. Волчица обогнала меня. Не доходя метров десяти встала напротив вожака. Здоровущий кобель оскалился и зарычал, собаки ещё громче залаляли. Пёс и волчица стояли и смотрели друг на друга глаза в глаза. В её поведении не было страха или тревоги. Хвост не был поджат, а составлял прямую линию со спиной — это говорило о том, что она не боится и не будет первой нападать. Кобель маленькими шажочками приближался к дикому зверю. Волчица стояла спокойно, не проявляя никаких эмоций и беспокойства. Он обошёл волчицу и вернулся к своим. Собаки окружили своего вожака, некоторые приняли попытку кинуться на зверя, но здоровый кобель быстро навёл порядок: кого куснул, на кого просто рявкнул. Волчица подошла ко мне, посмотрела в глаза и села рядом, вот, мол и всё в порядке.

— Твой волк? — спросил мужчина.

— Мой, он никого не тронет без моего приказа, но и спуску никому не даст.

— В бегах.

— Да.

— Сколько бежишь?

— Уже третья неделя на исходе.

— Волка твоего я кормить не буду.

— Это волчица, она сама о себе позаботится.

— Ладно, проходи, располагайся.

В яранге полумрак, в очаге теплится огонь, разглядел двух женщин и маленьких детей. Коренной чукча, зовут Василий, с женой и сестрой пасут оленей. Старшие дети учатся в интернате. Незваному гостю налили большую кружку настоящего чая, блаженство. Собаки опять начали лаять, но не злобно, а так для проформы. В ярангу пролезла волчица и к моим ногам положила зайца. Семья с интересом наблюдала за этим. Спокойно осмотрела ярангу, обнюхала висевшие шкурки песцов.

— Молодец, хорошая девочка. — Потрепал я волчицу, погладил, и она выскочила на улицу.

— Как ты её приручил? — удивился чукча.

Я рассказал вкратце, не вдаваясь в детали.

— Ничего подобного я, сколько живу, не слышал, а кто бы рассказал, всё равно не поверил, — проговорил Василий. — А паспорт у тебя есть?

— Да, вот документы погибшего охотника.

— Ну и ладно, до весны с нами поживёшь, а там что-нибудь придумаем.

— Часто у вас гости бывают?

— Нечасто, но иногда приезжают военные за свежим мясом. Ладно, отдыхай, завтра будем перегонять олешек на другое пастбище, нам пособишь, и тебе сподручней — подальше от этих мест.

Быт северных народов не обременён излишествами, всё очень рационально и просто. Жизнь на севере суровое испытание, и только веками выработанный уклад жизни позволил этим народам выжить и

существовать. Главное — гостеприимство и взаимопомощь. Меня приняли как родного. Они помогали мне, я помогал им.

Оказалось, оленеводство — тяжёлый труд. Стадо большое и разбирается в поисках пищи.

Надо постоянно следить, чтобы одиночки не отбивались от стада, и проверять, нет ли заболевших оленей. Собаки стерегут и разыскивают отбившихся одиночек.

Волчица уходила и приходила — целыми днями в тундре, собаки скоро привыкли и уже не поднимали хай в её присутствии. Олени всё же боялись, и, когда она приближалась, наперерез выходил самец-олень. Он опускал голову с большими рогами, не подпуская зверя близко. Моя серая успешно охотилась и приносила дичь: не только зайцев, но и песцов. Васька радовался каждой шкурке, которую потом женщины обрабатывали.

Быстро пролетел месяц, я втянулся, и даже стало нравиться.

И вот однажды с утра волчицы не было видно. А в полдень вдруг из-за сугроба выпрыгнула моя охотница и встала рядом, повернула морду на юг и тихо зарычала. Собаки как по команде истошно залаяли, переходя на визг. Вышли с ружьями Василий и женщины.

— Волки! Целая стая идёт сюда, надо подстрелить вожака, тогда, может, и уйдут. А то покалечат оленей.

— Ну, хорошая моя, выручай, — склонился я к волчице.

После этих слов Сергеич закурил сигарету, выпустил тройку колечек дыма и продолжил рассказ. Я слушал не перебивая.

Зверь рванулся, уходя большими скачками. Мы залегли на сугробе. Далеко бежала стая, я насчитал пятнадцать серых. Отбежав от стойбища метров сто, остановилась и завывала. Стая развернулась, беря волчицу в кольцо. С такого расстояния стрелять бесполезно, мы могли только наблюдать, чем всё закончится.

Стая остановилась, вожак начал приближаться к моему зверю. Вот он уже рядом, далеко — трудно что-то рассмотреть, но видно, стая ждёт команду. Моя серая красавица по размерам не уступала вожаку, он обошел её. Опять встал нос к носу. Непостижимо, вожак повернулся к стае, и все волки с поджатыми хвостами стали подбегать к волчице, тычась носами, словно подданные царицы, пришедшие подобострастно поклониться, засвидетельствовать своё почтение. Стая приняла моего зверя.

Вытянувшись друг за другом, волки уходили в

сторону тайги.

— Всё, пронесло! Ну и зверюга у тебя была... Она больше не вернётся, — объяснил Василий.

Мне почему-то стало тоскливо, я даже имя ей не дал.

Прошло три дня, завтра переход на новое пастбище, вдруг собаки залаяли.

Я увидел недалеко мою волчицу, метрах в пяти от неё шёл волк.

— Только этого нам не хватало, — сказал Василий, поднимая ружьё.

— Не стреляй, может, она пришла проститься, — остановил я оленевода.

Моя волчица повернулась к волку, будто приглашала его подойти ко мне. Я пошёл навстречу. Не доходя метров десяти волк зарычал оскалился, я остановился. Волчица ткнулась волку в шею, волк перестал рычать. Потом подбежала ко мне, но в руки не далась, я смотрел на неё. Красивый гордый зверь.

— Хорошо, что ты пришла. Уходи, у тебя своя жизнь, у меня своя, я отпускаю тебя.

Махнул рукой. Я делал так, когда посылая её вперёд или на охоту, и она поняла. Подпрыгнув, кинулась к вожаку, и, поравнявшись, вместе, бок о бок растворились в снежной белизне.

Вот так закончил свою байку мой сосед Сергеич. Верить ему или не верить? Жена говорит: «Врёт твой Сергеич, как сивый мерин, и не моргает». А я даже и не знаю.

Любовь Винокурова

Контрданс

Старый князь Антелава прекрасно помнил, как дочь, бледная от решимости, подошла к нему после завтрака и попросила о разговоре. Старый Михако тогда грохнул от неожиданности тарелкой по подносу, уронив чайную ложечку, печально зазвеневшую по мраморному полу террасы. Нина от этого звука еще больше побледнела и, подумав, вероятно, что он не расслышал, повторила просьбу.

Конечно, он согласился. Невозможно отказать дочери, когда тебя просят с таким серьезным выражением лица. Собственно, свою роль сыграл факт, что никогда еще Нина не просила о разговоре. Разговор начинался всегда сам собой и мог продолжаться до глубокой ночи. Однако сегодня это был важный разговор, и отказать князь не мог.

Он всегда был чересчур мягок с дочерью. Однако при всей своей мягкости не сумел сдержать недовольного возгласа, когда она сказала ему, почему хотела поговорить.

— Молодой граф Бокерия так робок, что посылает вперед себя девицу? — спросил он несколько сурово. — Неужели я дожил до времен, когда кавалер не в состоянии попросить руки дамы?

— Граф не знает об этом разговоре, — сказала дочь и сжала нервным жестом шелк кушака⁽¹⁾. — Я осмелилась просить вас первой, отец, потому что видела, каким вы бываете в гневе, и хочу уберечь Николая от подобной вспышки.

— Дитя! — улыбнулся старый князь, протягивая ей руку. — С каких пор строгость принимает облик гнева?

Он погладил ее осторожно по бархатной, словно персик, щеке, и она, просясь, с чисто детской живостью осыпала его руку поцелуями.

— Ты любишь Николая? — спросил князь, когда оба немного успокоились. — Мне нравится, что вы так осмотрительны в своих поступках. Подобные вещи лучше услышать подготовленным. В конце концов, для меня ты всегда останешься девочкой.

— Отец, вы чудо! — воскликнула Нина, с любовью смотря на него.

— Итак, граф придет сегодня просить твоей руки, — сказал князь, указывая взглядом на низенькую скамеечку подле себя. Нина поняла и через секунду уже сидела у его ног. — Обдумала ли ты все, что повлечет за собой замужество? Понимаешь ли обязанности, возлагающиеся на твои плечи? Ты станешь супругой главы семьи, женщиной, которую выбрали для продолжения рода. Ты осознаешь, чего ждет от тебя общество?

— Да, отец, — Нина склонила голову.

— Что же мне ответить графу Бокерия? — князь пристально посмотрел на дочь.

— А что вы думаете о нем? — Нина взволнованно подалась вперед, обнимая его под колени. — Я не хочу выходить замуж, если этот человек будет неприятен вам. Я знаю, что вы читаете души людей, как раскрытую книгу, и можете с точностью определить, чего стоит человек. Я полагаюсь на вас, отец.

— Нина! Сердце мое, Нина! — воскликнул князь нежно. Дочь смотрела на него снизу вверх; лицо ее, обрамленное темными кудрями, казалось ему сердцевинкой какого-то сказочного цветка. Змеями

(1) Кушак — род восточного пояса

вились две черные глянцевиные косы, спускаясь ниже пояса.

— Да, отец, — княжна кивнула, с обожанием глядя на него. Косы колыхнулись в такт ее кивку. — Я уверена, что вы не будете лукавить со мной, а я не способна увидеть недостатки Николая. Мне бы не хотелось разочароваться в нем с течением времени.

— Он хороший человек, Нина, — серьезно сказал князь. — Он не так богат, как мы, и не так знатен, но у него доброе сердце, пылливый ум и острый глаз. Не так давно я беседовал с ним и обнаружил, что он настоящее сокровище. Прекрасно образован, знает латынь, греческий...

— Я помню это, отец, — внезапно перебила его Нина.

— Чего же ты хочешь? — спросил он медленно, соображая, и улыбнулся своим мыслям. — Ты имеешь в виду, что все эти знания — не показатель приличного семьянина? Хочешь услышать, что он за человек? Изволь.

И он принялся описывать Николая, графа Бокерия, с присущей ему колкостью высмеивая все, что не заслуживало уважения, но не забывая при этом ни одного достоинства. К счастью Нины, последних оказалось гораздо больше. Впрочем, что и говорить, он сам старался пощадить ее чувства. Ему нравился честный, открытый Николай, и он был счастлив, что дочь того же мнения.

— Жизнь — это контрданс⁽²⁾, Нина, — сказал он в заключение. — Мы, как и в танце, встречаем новых друзей, старые же постепенно уходят из памяти. Это бесконечный круговорот, закон общества. И я бы хотел, чтобы твоим партнером по этому контрдансу вместо меня стал Николай.

— О папа! — воскликнула счастливо Нина и вдруг, грациозно вскочив на ноги, бросилась ему на шею, осыпая лоб, щеки, нос, глаза быстрыми, легкими поцелуями. И этот детский порыв внезапно отозвался какой-то странной, ноющей болью в сердце старого князя, и слезы нежности выступили у него на глазах, когда он обнял дочь в ответ. А та, словно вернувшись в детство, что-то щебетала ему на ухо, сидя у него на коленях и щекоча висок пушистыми волосами.

Насколько скромна была их помолвка, настолько пышна — свадьба. Старый князь позаботился о том, чтобы и поляки Рассовские, и грузины Чавадзе, и татары Алимовы чувствовали себя у Антелавы как дома. Весь высший свет Гори собрался на свадьбу красавицы-княжны. А она словно не замечала приготовлений к торжеству, все так же лихо скакала по горным тропам на своем Лютом, не боясь встретить душманов⁽³⁾: с ней был Николай.

Она была прелестна в длинном кремовом платье. Старый князь, ведя ее под руку к старинной церкви на высоком холме, казалось, видел только ее. Как две капли воды похожая на мать, она легко и быстро ступала маленькими ножками, обутыми в мягкие туфли, по холодному полу церкви, светясь от счастья. Она не замечала никого, кроме Николая, стоявшего у алтаря. Князь понимал это и старался идти быстрее, чтобы не заставлять влюбленных ждать.

Он почти не слушал священника, вспоминая, как двадцать пять лет назад мать Нины точно так же стояла рядом с ним, как стоит сейчас ее дочь рядом с графом. То были чудесные времена. Мириам сопровождала его во всех поездках; позже, выучившись читать и писать по-русски, помогала с бумагами. И каждое утро — солнце ли, дождь ли — каждое утро она выезжала в горы верхом. Даже когда появились Андрей, старший, и Нина, младшая, она не изменила привычке.

Это ее и погубило. Задерживалась она часто, могла не вернуться к обеду, но к ужину приезжала всегда. Но однажды не вернулась вовсе. Прискакал только Демон, взмыленный, хромым, наполовину загнанный хозяйкой. Детей с трудом уложили спать, а князь со слугами, не теряя ни минуты, отправился искать жену.

Он нашел ее сам — неестественный поворот головы, вывернутые руки, сломанные ребра. Она

(2) Контрданс — вид танца, буквально «танец напротив»

(3) Душман — горный разбойник

лежала ничком, в луже собственной крови, вылетев, по всей видимости, из седла во время очередного прыжка через пропасть и напоровшись на острые камни. Ее похоронили очень тихо, быстро, даже как-то воровато. На надгробии князь приказал высечь лозу дикого винограда, символ горного аула⁽⁴⁾, откуда она была родом, и ветвь оливы с тремя листьями, геральдический знак рода Антелавы. Едва окончились похороны, князь уехал, оставив малюток-детей одних, а через год вернулся, поставивший, осунувшийся, поседевший.

Молодые вышли из церкви. Князь держался на расстоянии, прекрасно понимая, что будет только стеснять их своим присутствием. С нежной грустью смотрел он на Нину, стоявшую рядом с Николаем, и видел Мириам.

— Она выросла, правда, отец? — сказал тихо Андрей, подходя сзади. — Помню ее, когда уезжал в полк. Совсем маленькая была. На шею бросилась, плакала... Перед этим долго говорили с ней, вспоминали мать. Кажется, она боялась, что не вернусь.

— А я разве не боялся? — проговорил старый князь, оборачиваясь к сыну. Военный мундир сидел на нем особенно ладно, выгодно подчеркивая фигуру. Сверкнул в лучах солнца орден — память о спасении жизни императора. Резала слух новая, резкая манера говорить, не упоминая себя. — Тебе ведь пятнадцать было, а ей — десять. Немудрено, что она переживала: мать вы совсем крохами потеряли. Она рада, что ты приехал. — Он немного помолчал, потом добавил еле слышно: — И я тоже.

— Она очень похожа на нее, — сказал Андрей, любуясь сестрой. Оба понимали, что уточнения — кто на кого похож — не требуются. — Такая легкая, воздушная... Николай, думаю, понимает, какая душа досталась ему. Иначе он не смотрел бы на нее с таким обожанием.

Граф в самом деле не сводил глаз со своей молодой жены, а та то залиvisto смеялась, словно колокольчик звенел над цветущим розарием церкви, то замолкала, ищущим взглядом пожирая Николая. Отцу были знакомы эти перемены настроения. Дочь была копией матери во всем, а Мириам умела быть и кроткой, как ягненок, и отчаянной, как горная козочка.

— Он обожает ее, — сказал старый князь, и сын с изумлением уловил в его голосе незнакомые нотки ревности. — Мы говорили с ней месяц назад. Я сказал, что никого так не люблю, как Николая. Кажется, я ни разу еще так не ошибался.

— Это удел брата и отца — видеть, как сестра и дочь уходит от них, — спокойно возразил Андрей, не меняя тона. — Не меньше беспокоюсь о ней. Знаю Николая с детства, но все равно будто чужой теперь. Впрочем, если Нина решила, то не буду мешать. Да и кто сможет ее разубедить?

Нина вдруг обернулась, махнула им рукой, улыбаясь. Она светилась от счастья. Глаза ее мигмом отсыпали в их взглядах что-то, что не понравилось ей. Легкое облачко мелькнуло на красивом бледном лице, но потом она посмотрела на Николая и забыла все.

— Видите? — неожиданно жестко бросил Андрей и, не дожидаясь ответа, ушел, скрипя начищенными сапогами. Старый князь остался стоять, разрываясь между глупой ревностью к Николаю и любовью к дочери и удивляясь холодному, тяжелому тону сына.

Сын был другим. Не было в нем ничего от того милого, живого мальчика, ластившегося к нему, заглядывавшего в фуражку конюха с новорожденными кутятами, бурно восторгавшегося при виде хорошего коня. На смену ребенку уже пришел, несмотря на возраст, мужчина. Оставалось только гадать, что произошло с ним в полку: он писал редко, скуп, всегда по делу.

От церкви поехали домой. Молодые сидели в открытой коляске, запряженной парой белоснежных лошадей в черной с золотом упряжи. Правил сам князь, напряженно сжимая в руках и моля судьбу, чтобы трехлетки не понесли. Давно было решено, что повезет старик Чубарый и молодой Снежок, но Чубарый захромал, и в напарники Снежку достался белый конь с издевательским име-

(4) Аул — горная деревня

нем Ворон. Идея успокоения старым конем молодого с треском провалилась.

Разумеется, молодые офицеры устроили скачки за ленту с плеча прекрасной дамы. Коляска ехала медленно и вскоре отстала от гостей, поспешивших посмотреть, чем кончится соревнование. Невыносимо пекло солнце. Был жаркий июльский день, и старый князь чувствовал, что задыхается. Ему словно был тесен сшитый не так давно фрак. Хотелось вдохнуть и пить, пить живительный воздух, как ледяную воду из источника, которых так много на Кавказе.

Он слегка отпустил поводья, наклонил чугунную голову вперед. Сердце колола невидимая игла, на грудь будто лег камень. Лошади, тоже уставшие от жары, опустили морды вниз, роняя с губ клочья желтой пены; светлые языки вывалились из пастей. Князь исподлобья, стараясь не шевелить головой, осмотрел гладкое полотно дороги. Выдохшиеся лошади не были способны на глупости, а значит, можно было дать им волю.

Боль в груди не утихала — наоборот, с каждым мгновением становилась сильнее. Что-то давило изнутри, мешая дышать, двигаться, жить. Он еще ослабил хватку и на секунду, как ему показалось, прикрыл воспаленные глаза...

Первое, что он увидел, было небо. Оно смотрело на него своим единственным ярко-голубым глазом и, казалось, смеялось над ним. Облака бежали по чудесному полотну, легкие, белые куски невесомой пряжи. Он лежал на земле, в тени пирамидальных тополей. Голова покоилась на коленях Нины, ее прохладные руки перебирали его жесткие от времени волосы, а Николай сидел рядом, обмахивая его сорванной веткой.

— Папа! — крикнула Нина, увидев, что он открыл глаза. Он попытался сесть, она помогла ему опереться на ствол тополя и прижалась к его пылающему лицу своей мокрой щекой. Почему мокрой? Она плакала? — Папа, Боже! Тебе нехорошо? Что-нибудь привезти? Николай сейчас распряжет Снежку или Ворона и позовет помощь.

— Не надо, — хрипло прошептал он и, удивившись своему голосу, закашлял, с наслаждением вдыхая живительный воздух. — Не ходите никуда, граф. Что произошло? Почему мы остановились?

— Ты... — дочь вдруг запнулась и посмотрела на Николая, словно ища поддержки. — Ты чуть не упал с козел. Вдруг завалился на бок... Я так испугалась, папа...

Она прижалась к нему. Мягкие завитки волос у лба и висков щекотали ему щеку, но было приятно. Слезы Нины и доверчивое, детское «ты» заставили его сморгнуть непрошеную влагу. Но теперь было не время предаваться сентиментальным мыслям. Он прислушался к себе. Боль никуда не ушла, просто притихла, затаилась на время. Он чувствовал ее, глубоко-глубоко, и ее присутствие отчего-то вызывало неутомимое желание жить.

— Спасибо, граф, — сказал он Николаю, умышленно избегая называть его по имени, и устало прикрыл глаза. — Судя по всему, я обязан вам жизнью.

Он слегка поморщился, выговаривая эти слова. Ему не хотелось быть обязанным этому человеку, которого он знал с детства и любил как товарища Андрея, но ненавидел как мужа Нины. Они росли вместе, все втроем — мальчики и Нина, — но он никогда не задумывался, что эта дружба может и должна перерасти во что-то большее.

— Я помогу вам сесть в коляску, — произнес Николай. — Вы в силах ехать? О том, чтобы вы правили, не может быть и речи. Я не позволю вам так рисковать собой.

— Пустяки, — отозвался старый князь, сясь подняться. Чисто выбритое лицо его исказила гримаса страдания. — Пустяки. Минутная слабость. Мне гораздо лучше.

Он с трудом сдержал болезненный вскрик, когда внезапно вернувшаяся игла вонзилась в сердце. Густые черные брови вдруг до невозможного ярко проступили на побледневшем лице.

— Пожалуй, вы правы, — горько усмехнулся он. Нина испуганно следила за тем, как долго и жадно он вдыхает раскалившийся воздух гор, стараясь загнать боль внутрь. — Правьте вы. Я не могу подвергать дочь и вас риску свалиться в пропасть. Только прошу вас, едва станет видна усадьба, позвольте мне вернуться на козлы. Мне бы не хотелось, чтобы о случившемся узнали гости. Завтра

же я приглашу врача. А сегодня пусть все идет, как надо.

— Я передам вам вожжи, когда мы подъедем к воротам, — согласился Николай после минутной заминки. Старый князь знал, что в нем боролись желание сохранить честь семьи и проявить заботу о тесте, но все же не мог заставить себя смириться с тем, что этот человек теперь является центром для Нины. Он любил Николая, но мысль о том, что тот может заменить его, отца, ужасала.

Поддерживаемый молодой четой, он уселся в коляску. Николай помог сесте Нине, легко и молодо — князя кольнула зависть — запрыгнул на козлы и подобрал повода. Коляска тронулась.

— Мне жаль, что я порчу тебе праздник, — прошептал князь дочери каким-то новым, безмерно уставшим тоном. — Постарайся забыть о случившемся. Я хочу, чтобы ты помнила об этом дне только хорошее.

Нина промолчала, лишь крепко-крепко обняла его в ответ. И сердце отозвалось на это нежное объятие колющей болью.

* * *

За несколько метров до ворот — огромных, массивных — Николай отдал вожжи старому князю. Тот, с трудом перебравшись на козлы, мысленно порадовался, что ему не дали править всю дорогу. Иначе праздник из веселого превратился бы в траурный.

Гости, увидевшие, что молодожены близко, высыпали на крыльцо, приветствуя вновь прибывших. Нарочито медленно, сдерживая отдохнувших лошадей, старый князь подкатил коляску к подъезду. Обернулся, наблюдая, как Николай помогает сойти Нине под аплодисменты гостей. Потом, зная, что они смотрят, сказал словно шутиливо, хотя на самом деле вовсе не шутил:

— Ну, граф, — Николай вздрогнул, гадая, отчего князь, всегда относившийся к нему, как отец, предпочитает теперь это официальное обращение, — поможете тестю спешиться? Окажите мне любезность, дайте опереться на ваше плечо. Очень крутая лесенка. Я не узнаю эту коляску. Скажи, Михако, — обратился он к старому слуге, державшему лошадей, — этот экипаж был в ремонте?

— Был, батано⁽⁵⁾, — ответил слуга с поклоном.

— Видите! — казалось, старый князь был удовлетворен. Но Николай, подставивший ему свое плечо, заметил, как дрожат растянутые в улыбке губы, как втянута в плечи голова на внезапно одеревеневшей шее, как сосредоточенно смотрит он на землю, куда должен спрыгнуть и как медлит, боится сделать неверное движение и вызвать им новый приступ боли.

Николай помнил, как сжала его ладонь рука князя, когда он сделал предложение Нине. И сейчас, сравнивая то — сильное, молодое — рукопожатие с мягким, неуверенным прикосновением к его плечу, он понимал, что время князя прошло. Что слишком далеко продвинулась болезнь, о которой никто, включая самого князя, не знал. Что, возможно, исход уже предрешен.

— Удружили, голубчик! — сказал князь громко, спрыгнув наконец с козел. От удара о землю в глазах потемнело, в висках забухала кровь, а противная игла, застрявшая в сердце, ощутимо кольнула снова. Слава Богу, подумал он отвлеченно, Нина уже убежала куда-то, а Андрей, судя по всему, говорит с кем-то в доме. Он никогда еще не лгал детям и не представлял, что говорить им сейчас.

Передав вожжи Михако и кивком отпустив Николая занимать гостей, он молодежavo одернул перчатки и оглянулся. Расстояние до ворот показалось ему таким ничтожным, что он устыдился своей медленной езды. Жгучий стыд, как в далекой и прекрасной молодости, залил щеки, но они не покраснели, румянец лишь слегка тронул скулы.

— Долго ехали, — сухо заметил Андрей, когда старый князь, старательно улыбаясь, вошел в дом. Гости давно разбрелись по зале, и их никто не мог слышать. — Коляска сломалась? Отчего заговорили о ремонте? Пришлось развлекать гостей. Барышни смешливы и глупы, офицеры — позор русской армии. Требовали Нину. Один Берестов кое-чего стоит. Вы, кажется, служили под его началом?

(5) Батано — господин (груз.)

— Я был адъютантом у него, — сказал старый князь, чувствуя, что скоро свалится без сил, если не присядет хотя бы на минуту. — Что до Нины, она должна скоро спуститься. Пока я вылезал из коляски, ее и след простыл. Зря я не решился нарушить обычаи и пригласил чуть ли не весь Гори. Еще немного, и меня не хватит.

— Она говорила, что задумала сюрприз, — Андрей кивнул, мелкими глотками отпивая шампанское из хрустального бокала. Князь вдруг обратил внимание, что у сына удивительно маленькие, почти женские руки. — Вы напрасно так о себе говорите, отец. Помните, какой вы были лет пятнадцать назад? Совсем не изменились. Лишь поседели.

— Я стар, дитя мое, — ласково сказал князь, нежно, как умел только он, глядя на сына. Впервые с его возвращения из полка он назвал его так. — Я стар, а ты и Нина молоды. Вы птенцы гнезда Антелава, мои выкормыши. Я передал вам все, что хотел. Скоро наступит твой черед управлять помещьем.

Андрей пожал плечами и поспешил уйти, не ответив. Ему не хотелось говорить с отцом. Главное, что ему не о чем было говорить с ним. Тот давно вышел в отставку и больше не появлялся в полку. Он просто не мог понять, что произошло там с княжеским сыном, отнюдь не изнеженным, но привыкшим к веселым скачкам, к играм с сестрой, к отцовскому плечу рядом. Андрей всегда романтизировал службу и оказался не готов к бесконечной муштре, ругани даже среди офицеров, к бесчисленному разврату, к постоянной спутнице — смерти, часто весьма глупой.

Особенно сильное впечатление на него произвела игра в русскую рулетку. То, как безразлично крутили барабан с одной пулей офицеры, как стреляли, не моргнув, себе в голову, полагаясь на случай, как падали со странной усмешкой на губах; как текли разлетевшиеся по стене мозги; как остальные игроки продолжали сидеть, словно ничего не произошло; как новичков — в том числе и его, князя Антелава, — заставляли смотреть на это дикое развлечение — все это оставило отпечаток в сердце Андрея. Нет, старый князь не мог понять сына.

Видя, что Андрей не желает говорить, а Николай занял гостей игрой в вист, старый князь поспешно ушел через маленькую дверь в помещение для слуг. Белла, молоденькая горянка, которую, как и Мириам, привезли из аула, при виде хозяина испуганно вскочила, закрываясь платком.

— Не пугайся, дитя, — сказал князь, обессиленно опускаясь на скамейку рядом с ней. — Налей мне воды. И найди Михако. Знаешь его?

— Да, батано, — ответила служанка, наливая воду в бокал, стоявший на подносе вместе с чертовой дюжиной одинаковых братьев на тонких хрустальных ножках. Старый князь, принимая его внезапно ослабевшими руками, вдруг отвлеченно подумал, что слуга, верно, будет сердит, когда недосчитается одного.

— Не говори никому, что я здесь. Только Михако... — пробормотал князь, с наслаждением опираясь спиной на прохладную стену и прикрывая глаза. Испуганная Белла опрометью бросилась вон, неплотно затворив дверь.

Сквозь щель князю был слышен шум зала. Кто-то играл на рояле арию из «Волшебной флейты», кто-то подтягивал тоненьким голоском мотив. Хохотали игроки в вист — Николай рассказывал новые анекдоты. Смеялись дамы, угадывая, кто войдет следующим в зал. Андрей неспешно беседовал с генералом Берестовым о настроениях в армии. Там кипела жизнь. А хозяин сидел, полуживой, в комнате для слуг и ждал, когда пройдет приступ непонятной слабости, которую он презирал, и боли, которую он боялся.

— Звали, батано? — спросил Михако, входя и плотно закрывая дверь, отрезав старого князя от веселого шума.

— Звал, — тот говорил коротко, отрывисто и как-то бедно. — Я болен. Не перебивай. Слушай. Сейчас мне требуется не преданный друг, имеющий свое мнение, а слуга, беспрекословно выполняющий приказ. Понял ты меня?

— Да, батано.

— Мне придется сегодня пить, — продолжал князь, словно не заметив реплики Михако. — Налей

мне в бокал крашеную воду. Вино может убить меня. Проследи, чтобы в зале был свободный стул. Если что-то случится — только если что-то случится! — пошли сына на свежей лошади в Горы за врачом. Адрес я напишу. Дай бумагу и карандаш.

Он написал несколько слов на клочке бумаги и протянул слуге. Тот не шевелился.

— Понял ты? — спросил князь сурово.

Слуга молчал, не смотря на него. Он не понимал, почему нельзя послать за доктором сейчас.

— Понял? — крикнул вдруг князь каким-то страшным, срывающимся голосом, которым добивался подчинения в полку и в аулах и который никогда не звучал дома. — Понял?! Мне же тяжело, дубина!

И он, процедив сквозь зубы ругательство, закрыл лицо свободной рукой. Плечи его дрожали. Испуганный Михако в ужасе, что довел хозяина до слез, опустился рядом с ним на колени и, взяв бумажку, вдруг несмело погладил князя по плечу.

— О батону, батону... — шептал он, глубоко пораженный слезами князя.

Они долго сидели молча, переживая каждый свое. Князю было стыдно за свою вспышку, а слуга казнил себя за неповиновение, приведшее к слабости господина. Они были привязаны друг к другу гораздо больше, чем хозяин и слуга. Михако помнил своего господина еще мальчиком. Тогда они вместе бегали по горам, срывая на бегу яблоки с чужих яблонь и набивая карманы чужой черешней. Михако еще не забыл тех приятно щекочущих душу моментов.

Внезапно рояль, смех и разговоры умолкли. Князь поднял на слугу усталые глаза, ободряюще улыбнулся.

— Поди взгляни, — сказал он так ласково, как только мог, остро чувствуя вину перед Михако, но не в силах превозмочь собственную гордость и извиниться. Слуга, радуясь возможности выслужиться, поспешно приоткрыл дверь и выглянул в зал. Увиденное так поразило его, что он слегка вскрикнул, обернулся, глядя на князя расширенными то ли от ужаса, то ли от восхищения глазами, и снова высунулся в щель.

— Ну! — нетерпеливо поторопил хозяин, массируя костяшками пальцев словно придавленную чем-то грудь.

— Батону... — шептал Михако, не отрываясь от двери.

— Ну! — повторил князь.

— Джаночка⁽⁶⁾ лезгинку танцевать будет! — наконец выдавил слуга. Князь подался было вперед, но тут же со стоном опустился на скамью. Он знал, кого слуга назвал джаночкой, смешивая восточную и русскую речь, — Нину. И то, что Нина собиралась сейчас плясать, выбило его из равновесия.

Он повелительно протянул руку. Понятливый Михако осторожно помог господину встать и сразу же отошел в сторону, принимаясь протирать запотевшие на жаре бокалы. Ему, без сомнения, было интересно, что произойдет сейчас в зале, но он, повинувшись немоу приказу, занялся своим делом.

— Отец! — как только князь появился в зале, к нему подлетела Нина, осторожно заглядывая в глаза: не беспокоится, не хмурится? Но он искренне, хотя и немного грустно, улыбался ей, почти забыв о приступах. — Отец, где вы пропадали? Взгляните, ведь уже темно! Андрюша говорит, что не видел вас с самого приезда.

— В самом деле? — он рассеянно засмеялся, целуя дочь в лоб. Отчего-то от этого ласкового имени — «Андрюша» — вдруг повеяло чем-то родным, далеким, давно забытым. — В таком случае, я, вероятно, присел где-нибудь в тихом уголке, да и заснул. Все прошло, дитя, — сказал он тихо, молясь, чтобы глаза не выдали ложь. — Совсем прошло, сердце мое Нина! Черная роза Востока!

— Правда? — спросила серьезно дочь, и князь впервые в жизни солгал ей в глаза, принуждая себя

(6) Джаночка — от восточной ласкательной приставки к имени («Джан»)

не отводить взгляд. Нина же просто не могла представить, что отец способен солгать ей, поэтому не заподозрила ровным счетом ничего. Она невольно выдала желаемое за действительное: ей так хотелось, чтобы дорожного происшествия не было! Но оно было, и приходилось с этим мириться.

— Госпожа графиня, — послышался сзади густой, толстый голос генерала Берестова, и его тучная фигура выплыла из-за колонны, — госпожа графиня, где же вы пропадаете? Вы ведь обещали нам сюрприз, потом показались в интригующем наряде и опять исчезли.

— Иду, — легко ответила Нина и убежала под хоры, где разместились приглашенные музыканты. А старый князь вновь ощутил знакомый укол в сердце при звуке нового титула дочери. Не княжна, не Ниночка, не джаночка — госпожа графиня. Ему будет сложно привыкнуть.

— Антелава! — раскатистый голос генерала прогремел прямо над ухом князя. — Антелава, вы тоже хороши! Бросили так надолго гостей! Неужели вы могли забыть о нас? Не поверю ни в жизни. Вам было просто лень, признайтесь. Гости — люди шумные, когда их много, а вы свадьбу дочери устроили на славу.

— Рад, что понравилось, генерал, — устало поклонился князь, с досадой думая, что гораздо лучше было бы, если бы свадьба не состоялась.

— Еще бы — понравилось! — Берестов всплеснул холеными руками. — Идемте. Ваша дочь приготовила что-то. Быть может, знаете, что? Впрочем, по костюму догадаться нетрудно — тем, кто вживую видел горцев.

Они вышли в зал. Князь искал глазами Андрея и Николая. Оба стояли на противоположном конце зала и о чем-то оживленно говорили. Николай заметил его и сделал вопрошающее движение бровями, но, успокоенный жестом князя, продолжил беседу.

Молоденький горец в белом бешмете⁽⁷⁾, меховой шапке и черном кушаке вдруг выбежал на середину зала и встал в позу. Князь ахнул, всматриваясь в родные черты: его этот маскарад обмануть точно не мог. Он не обратил внимания, как была одета Нина, во время их короткого разговора, но сейчас сомнений не было: она в самом деле собиралась танцевать мужскую лезгинку. Она настолько вжилась в образ, что подрисовала себе углем тоненькие усики над верхней губой.

Она танцевала прекрасно. Мать научила ее многому, в том числе и женским танцам, но она всегда предпочитала именно мужскую лезгинку, гордую, страстную, подвижную. Быстро-быстро перебирая маленькими ножками в мягких сапогах, она реяла орлом, ныряла, пряча раскрасневшееся лицо, вновь выскакивала, смеющаяся, прекрасная в завораживающем танце.

Косы ее давно вывалились из-под шапки, усики размазали капли пота, а она все танцевала и танцевала, не останавливаясь ни на минуту. Широкие рукава белого бешмета летали за ней, раздувались, делая ее похожей на сказочную птицу, что уносила невест со свадьбы.

Мириам любила эту древнюю легенду. В ней юноша, у которого погибла невеста, превратился в птицу, уносящую девушек со свадьбы, чтобы ни один жених в Грузии не был счастлив. Иногда, если невесту охраняли, чудовище хватало отца или мать несчастной и, забрав к себе в логово, долго мучило, прежде чем убить и съесть. Старый князь не знал, почему Мириам любила эту историю. Не знал он, и отчего добрая Нина напомнила ему кошмар гор.

А дочь все плясала и плясала, и музыка делалась быстрее и быстрее, пока не оборвалась на высокой ноте. Обессилевшая танцовщица, как подкошенная, упала на ковер, тяжело дыша. В общем молчании князь подошел к ней, вытер платком крупные капли пота с висков, поцеловал в лоб, не произнося ни слова.

И тогда, словно дождавшись какого-то знака, захлопали замороженные дикой пляской гости. Нина кланялась, поглядывая на Николая. Тот не хлопал, только кивал на каждый ее поклон. Они понимали друг друга без слов.

(7) Бешмет — вид кафтана, распространен у тюркских народов

Иллюстрация: Ксения Чукавина

* * *

— Молодец, Нина, — к ним подошел Берестов. Оркестр вновь заиграл прерванную мазурку. — Удружили, графинюшка! Никогда я не видел, чтобы так плясали. Видно, матери наука...

Нина не отвечала, только смотрела на него смеющимися глазами.

— Идите, — разрешил, смеясь, Берестов и повернулся к князю. — Чудесная у тебя дочь. — В минуты нежности он всегда переходил на ты. — Я помню княгиню. Что одна, что другая — истинные горянки. Особенно Нина, даром, что отец русский. А Андрей твой — себе на уме. Я с ним говорил, хороший. Но только свобода, свобода... — Он вздохнул. — Ты проследи, знаешь ли, чтобы он во всякие общества не вляпался. В Петербурге давно был?

— Он недавно, я давно, — князь улыбнулся, перенося вес на другую ногу. — Когда в отставку вышел, в шестом году. Получается, лет девятнадцать назад...

— Город изменился, — сказал печально Берестов, беря собеседника под руку и уводя в сторону. — Много недовольных. Тебя не было, когда мы французов гнали, а я видел, и все видели, как в Европе. Собственно, и бунтуют от этого. Я слышал, создаются общества. Может, знаешь «Зеленую лампу»⁽⁸⁾? Вот там самое опасное. Вот там слишком позволяют себе, слишком.

Князь молчал. Он не мог и представить себе, что творится в столице. Мысль о бунте против императора вводила его в ступор. Разве могли подданные, дворяне, быть недовольны своей долей? Конечно, он помнил смелые реформы начала века, помнил и возвращение к консерватизму, но чтобы бунтовать? Это он осознать не мог.

— Смотри за сыном в оба глаза, — сказал Берестов, внимательно глядявываясь в толпу, словно здесь могли находиться заговорщики. — Николай-то, зять, часом, не из этих? Нет? Ну, слава Богу. — Он помолчал, потом шумно выдохнул: — Хватит, пожалуй, о грустном. Давай выпьем, князь, за Александра⁽⁹⁾! Эй, приятель!

Он позвал Михако. Тот, видя, что генерал хочет пить не один, в мгновение ока повернул поднос так, чтобы князь мог взять крайний бокал, в котором было сильно разбавленное вино. Однако едва слуга двинулся с места, Берестов, не любивший ждать, остановил мальчика, бегавшего с подносом, и взял два бокала, доверху наполненных превосходным вином.

— Выпьем! — повторил он, подавая бокал князю. Тот беспомощно посмотрел на вино. Густое, крепкое, рубиновое, оно таило в себе если не смерть, то повторение приступа и потерю сознания. Он точно знал, что будет, если он выпьет этот губительный бокал. Но не пить за здоровье государя значило подписать смертный приговор не только себе, но и потомкам. Этот тост исполнялся всеми.

— За императора! — повторил князь громко и, закрыв глаза от неизбежности, выпил. Вино сразу ударило в голову. Почти не чувствуя терпкости во рту, он ждал, что принесут следующие мгновения. Он почти слышал, как мелко дышит Михако, только что осознавший, что, быть может, погубил хозяйку своей медлительностью.

Реакции не пришлось долго ждать. Грудь сдавила утихшая было боль, стало вдруг душно, тяжело дышать. Снова показалось, будто кто-то сидит на груди и тянет вниз, тянет с неумолимой жестокостью.

— Что случилось? — спросил Берестов, забирая у оцепеневшего князя бокал, ставя на столик и заботливо взяв друга за локоть. — Ты бледен. Я стар, а ты, помнится, был лет на пять моложе меня, когда попал в адъютанты. В нашем возрасте здоровьем не шутят. Боже, да что с тобой!

— Все в порядке, — ответил сдавленно князь, отстраняясь. Вино ударило в голову, и теперь все казалось ему бесконечно неважным, он был как во сне, когда все разрешено. Даже собственное сердце, то проваливавшееся куда-то вниз, то взлетающее под небеса, не могло остановить его теперь.

(8) «Зеленая лампа» — дружеское общество петербургской дворянской, преимущественно военной, молодёжи, в числе членов которого были многие декабристы

(9) Александр I — русский император (1801-1825)

— Но ты еле на ногах держишься! — воскликнул Берестов, никогда не видевший у князя такого выражения лица.

— Чушь! — жестко выкрикнул тот, и от этого мрачного возгласа генералу стало не по себе. Князь отмахнулся от чего-то, как от назойливой мухи, потом замер, наклонив голову, словно птица, прислушиваясь к себе. Грудь болела, а игла, непонятно откуда взявшись, непрерывно колола сердце маленькими, точечными ударами.

— Слышите, генерал? — внезапно спросил он, и какое-то новое, бесконечно беспомощное, детское выражение появилось у него в глазах. — Слышите? Контрданс.

Оркестр в самом деле заиграл вступление. Пары, занимавшие центр зала, поспешно выстраивались одна против другой, образуя три колонны. Здесь, в этом доме, контрданс танцевался всегда со сменой партнера лишь внутри четверки: на Кавказе, вдали от столицы, законы балов были гораздо мягче, танцорам позволялось не выделять некоторые затруднявшие танец движения.

— Покойная княгиня любила этот танец, — продолжал князь неторопливо. — Мы никогда не пропустили его. Пожалуй, я попробую тряхнуть стариной. Извините меня, генерал.

— Как — танцевать? — переспросил изумленный Берестов. — Да вы больны, мальчик! У вас озноб, вас качает!

— Я давно не мальчик, генерал, — возразил князь, и что-то в его лице заставило Берестова замолчать. Кроткое, доброе, мягкое, оно словно светилось каким-то странным внутренним светом. Расширенные, словно загнанные глаза тихо улыбались генералу с выражением обреченного, прося уступить дорогу. И он уступил.

Молча смотрел Берестов, как старый князь подходит к кружку еще не приглашенных дам, кланяется, по привычке военного щелкнув каблуками, и протягивает руку. Ничего страшного не произошло, разве что князь не пригласил конкретно ту или иную гостью, великодушно предоставляя им выбирать самим. Генерал вздохнул с облегчением. Опынение князя, казалось, прошло. Он не знал, с каким трудом дается тому каждый шаг. Однако контрданс не мог быть пропущен.

Его приглашение приняла тоненькая, светленькая дочь доживавшего свой век в Грузии поляка Рассовского. Тихая, благонравная, она была бы хорошей подругой Нине, но та не понимала этой робости и предпочитала ее обществу общества брата, Николая и Петро, сына Михако. С ними она делала, что хотела, и что никогда бы не сделала тихая, кроткая Миля.

— Начинайте, маэстро! — крикнул старый князь, становясь со своей парой напротив дочери и зятя. Нина, уже переодевшаяся, не сводила с отца испуганных глаз, но не смела произнести ни слова. Николай, поддерживая ее, чуть сдвинул брови, вопросительно глядя на князя. Тот качнул головой и улыбнулся, хотя грудь словно сжали в тисках.

— Начинайте же! — повторил хозяин бала.

Дирижер взмахнул палочкой, и оркестр заиграл вновь с самого начала. Князь прекрасно знал танец, который за простоту, изящество и некоторую медлительность прозвали Златоглавым⁽¹⁰⁾. Легкий, грациозный, он, казалось, не имел ничего общего с вычурными балными танцами столицы. Но, несмотря на это, его любили все.

Четверки поклонились друг другу — дамы присели, кавалеры наклонили голову, заведя руки за спину, — и танец начался. С первого же движения, с первого же такта князь понял, что танцевать в его состоянии было очень плохой идеей. Даже небыстрый темп музыки был сложен для него. Впрочем, пока ему удавалось скрывать гримасу боли, кривившую губы.

Если бы кто-то мог посмотреть на зал сверху, он, несомненно, был бы очарован картой танца. Кружились, непрерывно меняясь местами, светлые платья дам, одно движение перетекало в другое,

(10) «Златоглавый» — за основу для контрданса взят реально существующий танец, контрданс «Москва»

не отставали и кавалеры. Особенно красивы были молодые офицеры — в парадных мундирах, в сверкающих начищенных сапогах, уже лишившихся скрипа, с тонкими усиками над верхней губой, по моде того времени.

Николай, ведущий в танце то Нину, то мадемуазель Рассовскую, то обеих вместе, казался старому князю одним из героев Отечественной войны — молодцеватым, бравым командиром, только вернувшимся из Франции. Андрей не танцевал, но князь видел краем глаза его мундир, темно-синий, с белым пятном ордена.

— Не стоило ему танцевать, — прошептала Нина, дежурно улыбаясь. — Он ведь не признается, что ему дурно. Гляди, Николай! Он еле на ногах держится!

В самом деле, князь чуть покачнулся, ведя свою даму, но удержался на ногах.

— Он взрослый человек, — возразил граф Бокерия. — Я не говорю, что он прав, но разве мы смогли бы убедить его не танцевать? Ты помнишь, что он всегда делал все по-своему. Вряд ли он изменился.

Но он все-таки взглянул искоса на князя, ведя обеих дам вперед. А тот, казалось, рад был отойти в сторону, давая Николаю место исполнить свою фигуру, пусть и на короткое время. Другие четверки поступили точно так же: один кавалер «представлял» дам, второй ждал, отойдя на небольшое расстояние.

Однако передышка эта была короткой. Ожившая Миля с очаровательным румянцем на бледных щечках, улыбаясь, вернулась к нему, чтобы тотчас же поменяться с Ниной местами. Но та ничего не успела сказать: танец шел дальше, и задерживаться она не имела права. Впрочем, она все же заметила тяжелое дыхание отца и выступившие на серебристых висках крупные капли пота.

Одно за другим они сделали три «окошечка» — так называлось движение, во время которого партнеры делают шаг друг к другу в плясовом темпе, а руки их образуют воротца. С них начиналась быстрая часть танца, к счастью, более короткая, чем медленная. Но количество повторений было всецело в ведении дирижера, а он пока не подавал знак к коде.

После шел линейный галоп, как его прозвали в молодежи. Его сменял вальсовый — с чужим партнером. Князь с трудом подсказывал, держа за руку Милю, и не мог понять: почему она радуется? Неужели это может приносить удовольствие? С каждым прыжком боль, стеснявшая движения, становилась все невыносимее. И если во время медленной части можно было терпеть, то теперь она жгла огнем, мешая дышать.

Старый князь и Николай менялись дамами. Он попытался ласково улыбнуться обеспокоенной Нине, но не сумел. Вероятно, вместо улыбки получилась какая-то гримаса, потому что дочь побледнела и вцепилась ему в руку мертвой хваткой, не понимая, что делает только хуже.

— Тебе не обязательно танцевать! — шепнула она рассерженно. «На что она сердится? — недоуменно спрашивал себя князь, делая первый скачок в вальсовой позиции. Всего их было двенадцать: три в сторону, три обратно и то же самое со своей дамой. — Разве я делаю что-то не так? Как она похожа на мать, когда сердится...»

Боль вдруг ожала его с утроенной силой. Он, не доделав свой третий скачок, вдруг остановился, тщетно пытаясь вдохнуть и хватаясь правой рукой за грудь, в которой трепыхалось сердце, бросаясь на грудную клетку, как пылкий дуэлянт на противника. Это биение эхом отдавалось в голове: словно огромный колокол гулко ухал под ударами аршинного языка. Пальцы правой руки неистово рвали накрахмаленный до невозможности воротничок, врезавшийся в шею.

Его шатало. Мгновение он еще стоял на ногах, потом слабость накрыла с головой; его бросило на пол, и он упал навзничь, больно ударившись затылком. Кто-то из гостей, сгрудившихся вокруг и лишавших его воздуха, вскрикнул. Этот крик, как нож по стеклу, резанул уши. В глазах темнело. Он с трудом различал лица детей. Вот Нина, бледная до желтизны, бросилась к нему... Затормошила, пытаясь поднять, заливаясь слезами. Вот Андрей: губы шепчут что-то, а пальцы разрывают, переплетаясь с его пальцами, ненавистный воротничок.

Он уже не видел, как Берестов, продравшись сквозь окружение, с перекошенным от ярости лицом

распекал своим звучным голосом, гудящим, как труба, невызванного врача, сердечные приступы и нерадивых слуг. Не знал он, что рядом с безутешной Ниной сидел, обнимая ее, Николай, что в его глазах светится сейчас бесконечная любовь к нему, князю, отцу его жены.

Нечеловеческим усилием приподнялся он вдруг на руках сына, ища что-то уже слепыми глазами, дотянулся до пальцев Нины.

— Контрданс, Нинок, — сказал он грубым, хриплым, не своим голосом. — Помнишь? Жизнь как контрданс...

Дочь зарыдала, спрятав лицо на его груди. Андрей плакал тоже. Его маленькие, изящные, как у девушки, руки ласково поглаживали отца по голове, перебирая волосы. Эти нежные, робкие прикосновения были последним, что чувствовал князь. Потом все погрузилось в тишину.

Он умер, не приходя в сознание, несколько часов спустя. Старенький доктор, привезенный сыном Михако, сумел облегчить его последние мгновения. После он сообщил, что князя погубил не выявленный вовремя порок сердца и обширное кровоизлияние в мозг, вызванное падением. Усадьба погрузилась в траур.

Через несколько месяцев в Петербурге прошло восстание, названное позже восстанием декабристов. Князь Андрей Антелава вместе с несколькими товарищами был казнен на площади, а граф Николай Бокерия — сослан в Сибирь. Его жена последовала за ним. Там их след затерялся, навеки погребенный в глубоких снегах Зауралья.

Слова (2012)

The Words

Рори Джэнсен - писатель, который наконец обретает долгожданную известность, но его роман-бестселлер оказывается написан другим человеком, которому он теперь должен заплатить высокую цену за украденные у него жизнь и работу.

Игры разумов (2018)

The Professor and the Madman

Англия середины XIX века. Оксфордский профессор Джеймс Мюррей работает

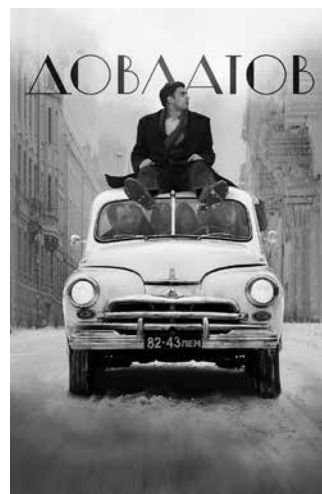
над первым в истории словарем английского языка, а его главным соратником становится заключенный психиатрической клиники для особо опасных преступников – доктор Уильям Майнор.

Книга Илая (2009)

The Book of Eli

После мировой катастрофы Америка превратилась в выжженную пустыню. По бескрайним дорогам, кишасшим бандами, враждующими между собой за воду и еду, странствует мудрый Илай. Однажды он прибывает в мрачные края, где когда-то была цветущая Калифорния, а теперь это сущий ад, где бесчинствует тиран Карнеги.

Довлатов (2018)

Фильм о нескольких днях из жизни писателя Сергея Довлатова в Ленинграде начала 70-х годов накануне эмиграции его друга, будущего лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского. Это круговорот из парадоксальных и смешных ситуаций. Столкновение с криминалом, светская и литературная жизнь Ленинграда, киностудия «Ленфильм», музыка, чтение стихов, ремесло журналиста, страстное желание купить для своей дочери куклу, которую не достать нигде.

В череде жизненных коллизий, иногда смешных, а иногда пронзительных, зритель открывает для себя жизнь тонкого, блестящего, ироничного человека, который выбирает свой творческий путь, чтобы позже превратиться в одного из самых популярных русских прозаиков XX века.

ВАША ЛИЧНАЯ РУБРИКА НА ЛИТРЕ

Литра проводит мобилизацию активных пишущих авторов, студентов и преподавателей литфаков, начинающих литературных блогеров и всех, кому нужен плацдарм для ведения книжного дневника, колонки или своей рубрики.

Что мы ждем от вас:

- публикацию литературных материалов, статей, заметок
- обзоры новинок книг, издательств, книжных магазинов
- ведение собственной рубрики на литературную тему, об авторах, произведениях, истории
- собственный блог на Литре с регулярными постами, который можно выделить в отдельную рубрику
- любое иное ваше предложение или идею

Что мы предлагаем:

- создание вашей рубрики на сайте Литры
- регулярные анонсы ваших публикаций на сайте и в каналах Литры в соцсетях
- лучшие публикации будут опубликованы в дайджесте Литры

Чтобы воспользоваться предложением, заполните форму на сайте litra.online в разделе «Ваша рубрика».

ЛИТРА

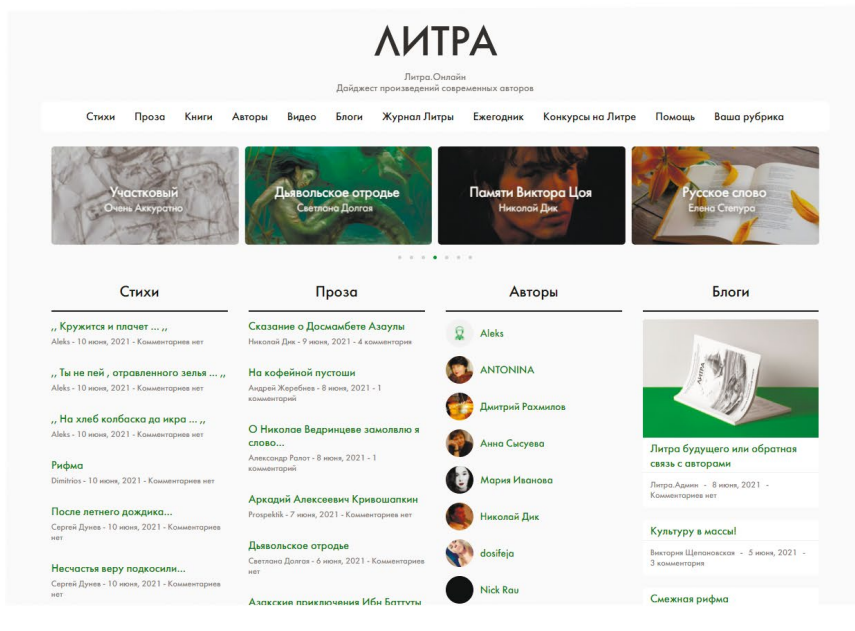
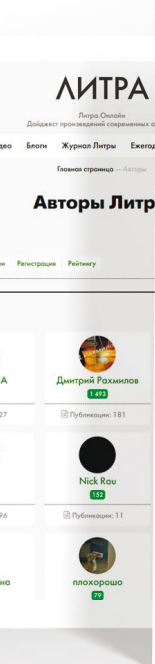
Онлайн-дайджест произведений современных авторов всех возрастов

Регистрируйся на сайте Литры

Публикуй свои стихи или прозу

Получай баллы за творческую активность

Трать баллы на анонсы в соцсетях Литры и публикацию в дайджесте

Присоединяйся к Литре
litra.online